

С. В. ПОКРОВСКИЙ

ОХОТНИКИ

НА

МАМОНТОВ

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

С. В. ПОКРОВСКИЙ

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО 1937

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТОВ

С. В. Покровский

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

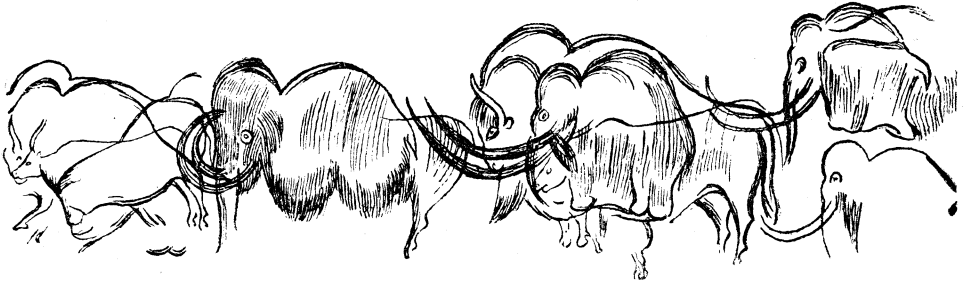
Послесловие М. Е. Фосс

Художник Е. М. Смирницкая

Редактор В. К. Нечепев

Техн. редактор Л. А. Мазенко

Корректор В. П. Семенова

СЛЕДЫ ЛЕСНЫХ ВЕЛИКАНОВ

Шевельнулись ветки кустов. Большая лохматая голова показалась, спряталась и опять показалась в просвете.

Человек это или зверь?

Об этом не сразу можно было догадаться. Рыжая грива рассыпалась по плечам. На груди она сливалась с огромной бородой и совершенно скрывала шею. Из-под низкого лба зорко глядели темные зрачки через узкие щели глаз. А над ними мохнатой щеткой нависали брови.

Все-таки это был человек. Когда он раздвинул гущу ветвей и вышел на опушку, можно было разглядеть его сутулую, коренастую фигуру. На нем было надето что-то вроде короткого мехового мешка, подпоясанного лыком. В прорезы высывались сильные руки, обмотанные широкими меховыми браслетами. Левая рука сжимала дротик с каменным наконечником. Человек сильно втягивал носом воздух и подставлял под ветер широкие ноздри.

— Хумма, хумма, хумма!..

Он трижды прошептал это странное слово и поманил кого-то к себе волосатой рукой. Потом приложил к носу указательный палец и сделал рукой плавный жест, как будто закручивал в воздухе невидимую спираль. Затем поднял ладонь, два раза собрал в кулак и опять развернул всю пятерню.

Кому делал он эти знаки?

Не прошло и четверти минуты, как из чащи показалось еще два человека. По наружности они резко отличались от первого. Оба были много выше, моложе и стройнее. Оба были безусые и безбородые. Прямые черные волосы торчали на макушке пучками, перевязанными тонкими ремешками. В середину такого пучка было воткнуто по орлиному перу, а у пояса назади болталось по лисьему хвосту. Горбатые тонкие носы делали их похожими на американских индейцев. А широко раскрытые глаза и густые брови придавали им смелый и воинственный вид¹.

Рыжий человек еще раз прошептал загадочное слово — „хумма“ и показал рукою на север. Молодые охотники отвечали ему выразительными жестами. Они радостно подпрыгнули на месте и взмахнули дротиками.

Все трое выбрались из кустов на край речного обрыва. Внизу перед ними расстилалась долина Большой реки. На другой стороне зеленела мокрая пойма. На заливных лугах блестели узенькие озерки и лужи, оставленные здесь половодьем. Люди осмотрелись и стали спускаться вниз, цепляясь руками за длинные корни деревьев. Ниже обрыва начиналась пологая и мягкая осыпь, по которой тянулись звериные тропы. Одна из них, самая нижняя, была и самой широкой. На ней среди давних оленьих следов виднелись огромные свежие следы какого-то гигантского зверя.

— Хумма! хумма!.. — радостно шептали спутники рыжего охотника.

¹ Пояснения к помещенным в тексте рисункам смотрите в конце книги.

— Хо! хо! Волчья Ноздря! Волчья Ноздря! Нюхал далеко! — громко смеясь, выкрикивал самый младший из них — Ао.

Он ткнул пальцем в нос рыжего, потом показал куда-то вдаль и опять засмеялся. Этим он выразил свой восторг перед необыкновенным чутьем охотника.

Волчья Ноздря опустился на колени и стал обнюхивать след огромной ступни.

— Солнце проснулось. Роса высохла. Тогда прошел хумма.

Рыжий разбирал следы, как грамотей читает книгу. Он внимательно огляделся кругом и прибавил: „Шла молодая жена. А тут старая. Тут детеныш и еще детеныш“.

В это время Ао пристально разглядывал край берега и вдруг хлопнул себя ладонью по коленке:

— По воде шли хуммы! Много... и еще много!..

Волчья Ноздря начал смеяться. Глаза его спрятались в морщинках. Рот растянулся почти до ушей.

Третий охотник, Улла, стал искать что-то в глубоком мешочке, сшитом из беличьих шкурок. Он вытащил оттуда белый предмет, длиною в ладонь. Это была женская статуэтка, вырезанная из мамонтовой кости. Статуэтка была сделана очень искусно. Она изображала пожилую женщину с большим животом и тонкими, прижатыми к груди руками. Голова ее была опущена. На голове можно было различить что-то вроде шапочки, покрывающей прическу.

Лица охотников стали сразу серьезными. Волчья Ноздря посмотрел кругом и выбрал глазами место, где отвесная стена обрыва ближе всего подступала к реке. Со статуэткой в руках он направился туда.

Берег, подмытый половодьем, спускался гладким обрывом. Снизу белели известковые пласты, почти закрытые рыхлой осыпью. Над ними лежала толща плотной глины. Взбравшись на мягкую площадку осыпи, Волчья Ноздря прежде всего собрал ладонями кучку земли. В маковку пирамиды он воткнул до колен белую статуэтку.

В это время Ао уверенными взмахами копья начертил на гладком отвесе очертания зверя. Это была фигура горбатого слона на толстых ногах. Он был покрыт прядями длинных волос и высоко поднимал могучий хобот. Фигура была сделана немногими скупыми линиями, но так искусно, что с первого взгляда можно было узнать, кого изображает рисунок. Это было искусство прирожденного художника. У него

был глаз охотника, привыкший подмечать все особенности и повадки зверя.

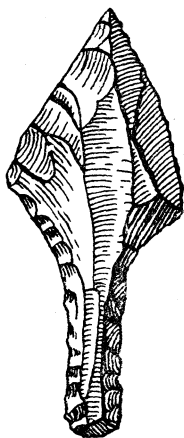
Едва только Ао закончил рисунок, как все трое быстро отпрянули прочь. Веки их были широко раскрыты. Жадность и страх отражались в напряженных буграх их бровей и губ. Челюсти были плотно стиснуты; пальцы судорожно сжимали короткие копы; мускулы ног и всего тела натянулись, как струны. Они медленно пятились задом, чтобы быть подальше от мохнатого гиганта. Ведь хумма, нарисованный на стене, был для них живым и страшным зверем!

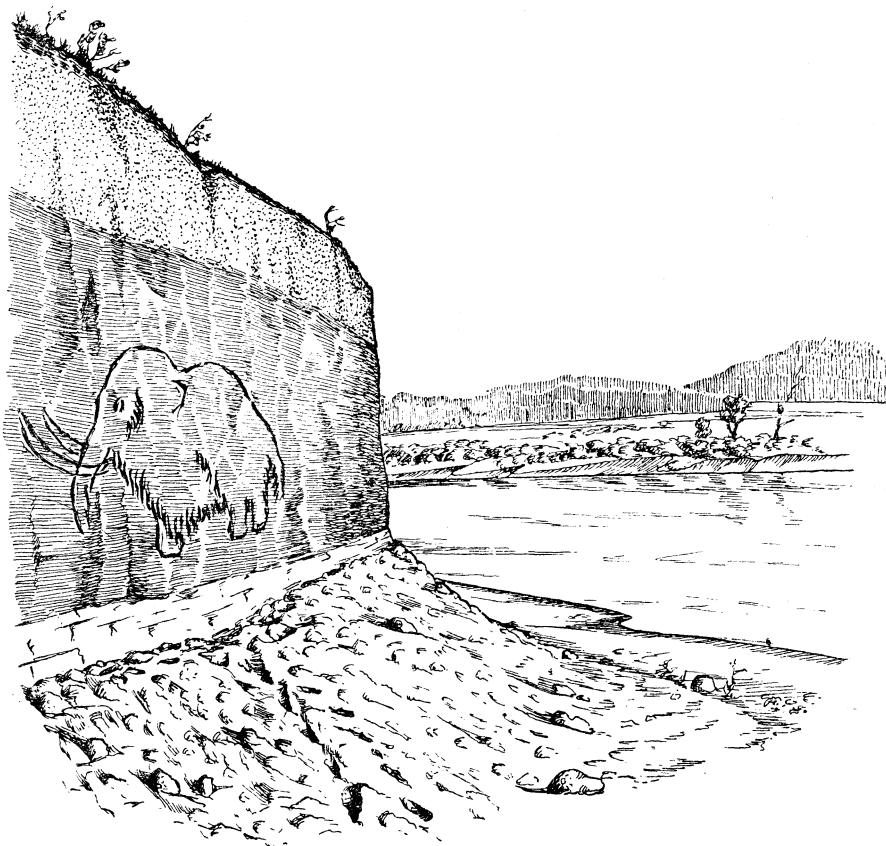
Охотники присели на колени: Ао и Улла—по бокам, Волчья Ноздря—позади белой женщины с большим животом. Здесь чувствовали они себя в безопасности. Здесь их охраняла магическая власть Матери-матерей, покровительницы их поселка, могучей заклинательницы вражеских сил и невидимой спутницы их опасных охот.

Все трое воткнули острием вверх свои копы, а сами ничком припали к земле. Потом вскочили на ноги и затянули протяжную песню. Под заунывный мотив они начали охотничий танец. Они ходили вокруг копий друг за другом, сгибая через каждые три шага то одно, то другое колено.

И песня, и танец не были для них развлечением. Это было магическое заклинание. Оно должно было накликать им охотничье счастье. В песне было немного слов. Слова эти выговаривались как бы от имени священной статуэтки, от имени самой Ло—Матери-матерей племени Красных Лисиц.

Трудно передать нашими словами

заклинательную песню охотников. Их речь и понятия были так далеки от наших, что выразить их точно нашим языком почти невозможно. Вот какой приблизительно смысл заключается в пропетой песне:

Я Ло, Мать-матерей племени Красных Лисиц!

Я заклинаю горбатого хумму.

Заклинаю его клыки, уши и все четыре ноги.

Хумма, хумма, пей воду!

Хумма, хумма, иди в гору!

Хумма, хумма, падай в яму!

Хумма, отдай нам твое мясо!

Отдай нам свои бивни и свои кости!

Заклинает тебя Ло, Мать-матерей Красных Лисиц.

Когда песня была пропета, охотники хлопнули в ладоши и схватились за копыта. Хумма стоял перед ними живой, косматый и поднимал к небу свой ужасный хобот. Но теперь

он был уже им не страшен. Мать-матерей укротила его. Она околдовала его своими чарами. Она связала его силу, и он не мог сделать ни одного шага от той стены, на которой был нарисован. Охотники набрали горсти песка и стали с силой бросать в чудовище. Они метили в него в то место, где концом копья Ао изобразил глаза, оба на одной стороне.

Зачем они делали это?

Нужно было ослепить хумму, чтобы он не мог видеть охотников.

После этого Ао подкрался к хумме и быстро обвел тупым концом копья черту вокруг ослепленного зверя. Круговая черта означала ловушку или, может быть, магическую силу, которая смыкается вокруг зверя. Как только круг замкнулся, охотники опять запели свое заклинание. Они кружились, приседали, подпрыгивали и прихрамывали на оба колена.

Наконец, заклинательный танец кончился. Охотники поочередно воткнули копья в побежденного хумму. Одно из них пронзило глаз, другое — сердце, третье — живот. Этим завершилось все колдовство. Оно отдавало хумму во власть магов-охотников. Они верили, что теперь хумме от них не уйти. Разве только какое-нибудь чужое, еще более сильное заклинание станет на их пути и разрушит магическую власть Матери-матерей.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Самое важное для успеха было сделано. Теперь можно было идти дальше. Но раньше охотники сели отдохнуть. Песня, пляски и заклинания сильно их утомили. Пот градом катился по их лицам. Сердце билось, руки и ноги тряслись. Они только что пережили такие чувства, как будто и в самом деле выдержали борьбу с чудовищем и одолели его. Все трое тяжело дышали и отирали ладонями влажные лбы. Потом они вынули из-за пазух запасы пищи и стали есть. Это было мясо молодой сайги, которую удалось убить накануне.

Охотники отгрызали куски крепкими зубами, а иногда перепиливали волокна мускулов и сухожилий острыми осколками кремня. Ели они много. Нужно было утолить голод, успокоиться и собраться с силами, чтобы продолжать путь в поисках добычи.

Тропа мамонтов привела их к самой реке. Вдруг Волчья Ноздря остановился. Против устья глубокого оврага протя-

нулась песчаная отмель. Вся она была покрыта свежими следами целого стада мамонтов. Здесь хуммы пили, купались, обливали друг друга водой, посыпали себе спины песком, а самки кормили тяжеловесных и неуклюжих слонят. Там и сям по отмели раскиданы были кучи помета.

— Хуммы пили воду, — сказал Ао и хлопнул по плечу Волчью Ноздю.

Ноздря засмеялся. Он вспомнил: заклинание начиналось словами:

— Хумма, хумма, пей воду!

— Хумма, хумма, иди в гору!

Он подошел к одной из куч, потрогал ее ладонью. Куча была еще тепла. Пар пахучей струйкой поднимался в воздух, словно легкий дымок. Мамонты только что удалились.

Свежие следы вели от реки к оврагу, и скоро тропа зверей стала подниматься наискось кверху, на правый берег оврага.

Ноздря опять засмеялся:

— Хумма, хумма, иди в гору! — бормотал он.

На высоком берегу оврага стеной поднимался осиновый лес. Мамонты проложили тропу по самому краю над обрывом оврага. Тропа была вытоптана крепко. Видно, что стадо было большое, и что звери уже не раз проходили здесь, спускаясь к реке на водопой.

Охотники шли гуськом друг за другом, пока чаща деревьев не стала светлеть. Перед ними открылась выжженная широкая поляна, покрытая низким кустарником. Кое-где на ней торчали черные стволы горелого леса.

Несколько лет тому назад, в жаркую погоду, разыгралась гроза. Ударил молния в сухую ель. Дерево вспыхнуло, как свеча, от него загорелись кучи валежника. Ветер раздул лесной пожар. Большой участок выгорел дотла, пока огонь не был залит ливнем. Среди черных пней выросли высокие травы и ягодные кустарники. Летом густыми чащами поднимались тут целые полчища цветущих кипреев, кустилась земляника.

Охотники успели сделать только несколько шагов, как вдруг из-за кустов показалось стадо мамонтов. Здесь были и старые, и молодые. Совсем маленькие — приплод этого лета — жались к волосатым матерям. Хуммы мирно паслись среди кустов под охраной огромных клыкастых самцов. Старики угрюмо стояли по краям, как коричнево-бурые холмы. Они медленно шевелили мохнатыми ушами. А огромные хоботы их качались, как маятники гигантских часов.

Толстые слонихи держались в середине со своими детенышами и заботливо подзывали их, когда те пробовали отойти в сторону. Матери попискивали при этом тоненькими скрипучими голосами, похожими на слабый пороссячий визг. И странно было слышать, когда такие звуки исходили от этих колоссальных и неповоротливых туш. Мохнатые горбы их были теперь не так высоки, как это бывает у них осенью. На обильных летних кормах мамонты сильно жиреют, и горбы их превращаются в настоящие мешки, туго набитые салом.

Охотники жадно смотрели на мохнатых великанов. У Волчьей Ноздри глаза сверкали, как у голодного волка. Он облизывался, как собака на жирную кость, и со вкусом глотал набегавшую слюну.

Вдоволь насмотревшись, Волчья Ноздря толкнул тихонько локтем сперва одного, потом другого соседа и знаками показал, чтобы они шли за ним. Осторожно и низко пригибаясь, они почти доползли до края оврага, спустились вниз до самого ручья и здесь на глыбах известняка устроили совещание.

Они решили гнать мамонтов поближе к селению Красных Лисиц, к обрывистым берегам Большой реки, где для них давно уже приготовлена ловушка.

Погнать мамонтов! Три дикаря, одетые в меховые мешки, говорили об этом так просто, как будто это было стадо робких косуль.

Большерогие торфяные олени в ужасе шарахались в чащу, когда на лесной тропе показалась гигантская фигура вожака мамонтов. Могучие зубры и бизоны уступали им дорогу. Огромный серый пещерный и бурый лесной медведи не решались вступать в бой со взрослым хуммой. Даже свирепый северный носорог при всей злобности своего характера предпочитал не встречаться с чудовищными клыками хуммов.

Откуда же эта непомерная дерзость? Неужели эти волосатые люди, которые выучились таскать с собой палки с каменными наконечниками, страшнее медведей, зубров и огромных носорогов?

Охотники направились вверх по дну оврага, ближе к его началу, чтобы оттуда пробраться в тыл мохнатому стаду и начать пугать великанов. Это решение было принято, как самое обычное дело. Но прежде чем начать действовать, нужно было призвать на помощь силу Матери-матерей, по-

кровительницы своего племени. Правда, магическое заклинание уже произнесено, но сейчас предстояло выполнить самую трудную задачу. Надо было заставить мамонтов итти туда, куда нужно.

Белую статуэтку снова вытащили из беличьего мешка. Все три охотника тихо шептали ей в уши ласковые слова и деловито рассказывали все обстоятельства дела. Время терять нельзя: нужно было только объяснить поскорей, куда должна быть направлена неодолимая сила заклинания. Пошептавши, охотники вскочили на ноги. Ао взял в руки статуэтку, быстро поднялся по крутому склону и осторожно высунул голову из-за края оврага.

Хуммы попрежнему мирно паслись среди кустов на том же месте. Ао поднял белую фигурку Матери-матерей. Она должна была сама хорошенько осмотреть и стадо, и поляну, чтобы не вышло ошибки.

Через несколько мгновений Ао сбежал вниз. Надо было спешить. Дела впереди еще много. Охотники быстро зашагали в обход спокойно пасущихся хуммов.

ЧЕГО БОЯЛИСЬ ХУММЫ

Время шло. Солнце уже стало спускаться, тени от кустов и деревьев становились длиннее.

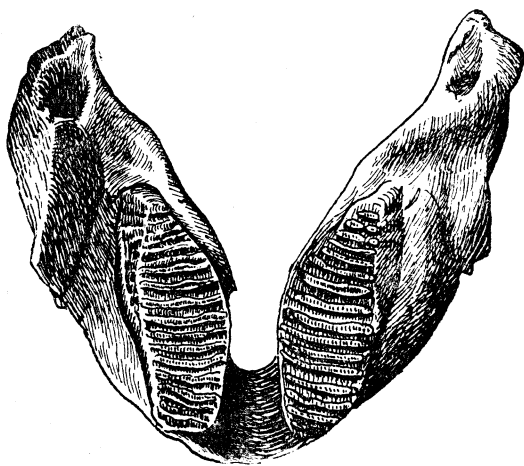
Мамонты все еще продолжали неторопливо набивать свои необъятные желудки. Лесная поляна, богатая кормами, была для них настоящим раздольем. Густая трава, пестреющая весенними цветами, сочные лозы ивняков и жимолостей,

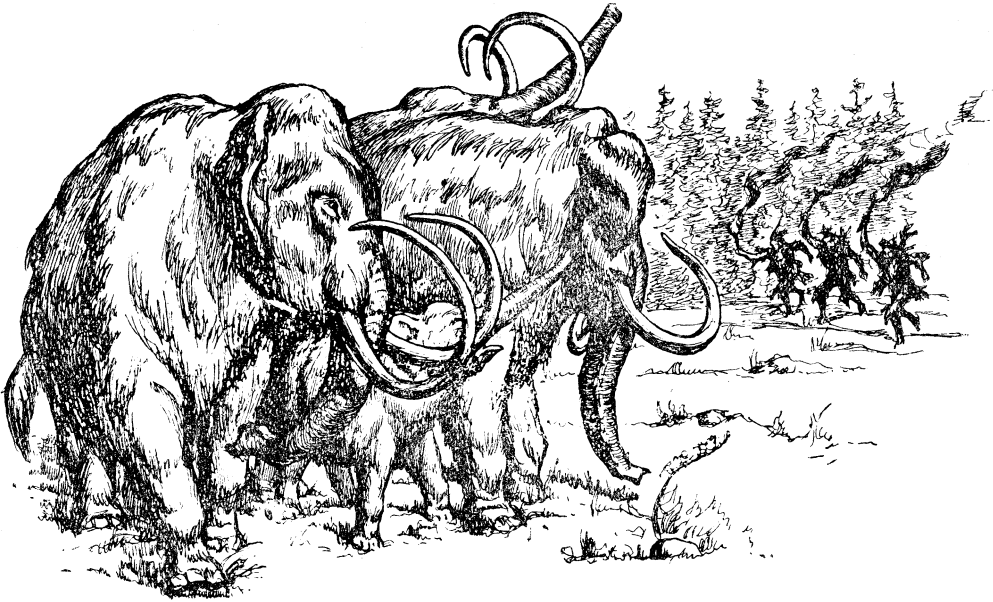
горьковатые ветки молодых осинки и берез — все это было для них лакомым блюдом. Взрослые хуммы держались ближе к опушке, и можно было видеть, как они с треском ломали довольно толстые ветки. Их чудовищные коренные зубы, тяжелые, как жернова, растирали не только траву и листья, но и крепкую кору и древесину. Слоны так были заняты едой, что, казалось, ни на что не обращали внимания. Вдруг один из вожаков тревожно насторожил уши. Как два огромных кожаных лоскута, они поднялись и оттопырились по обеим сторонам головы. Хобот вытянулся вперед, хумма шумно вдохнул в себя свежую струю холодеющего воздуха.

С запада тянул ветерок. Вместе с ним доносился ни с чем несравнимый запах, который наводил страх даже на сильнейшего из зверей. Это был едкий, горьковатый запах лесного дыма. К нему примешивался тот особенный дух двуногих хищников, которого боятся лесные звери и птицы.

Маленькие глаза хуммы беспокойно осматривали край поляны, и вот голубоватая струйка дыма зазмеилась с той стороны, откуда восходит солнце. Ветер доносил потрескивание сухих ветвей, душистый запах горящего можжевельника и еловой смолы. Вожак поднял хобот и протрубил сигнал тревоги. Все стадо разом зашевелилось. Головы гигантов повернулись к востоку, и слонихи беспокойным визгом начали подзывать рассыпавшихся по кустам детенышей.

На несколько мгновений взрослые мамонты застыли в немом ожидании. В это самое время от опушки леса отделились три странные фигуры, не похожие ни на одного из жителей леса. Они были густо обвязаны лапами елок.

Каждый из них держал в руках по огромному, пылающему как факелы, смолистому суку. Странные существа размахивали огнем и медленно приближались к стаду.

Все горбатые самцы подняли свои огромные хоботы, и отрывистый звук ужаса потряс лесную поляну. Слонихи первые начали отступление. Слонята рысью затрусили за ними. Сзади, замыкая шествие, тяжело ступали самцы, растопырив, как крылья, необъятные уши. Самый старший и самый крупный из них все еще стоял на месте и глядел на приближающуюся опасность. Хобот его был грозно поднят к небу, а белые бивни, как толстые, кривые стволы, торчали вперед. Они загибались в стороны и назад, как белые края гигантской лиры. Он стоял один и был похож на темное бронзовое изваяние. Казалось, он готовился встретить таинственных врагов и уничтожить их. Вид его был страшен. Но люди продолжали наступать. В другое время страшная фигура чудовища испугала бы их. Но сейчас они чувствовали за собой непобедимую силу, которая все покоряет на своем пути. Этой силой был огонь и магическое заклинание Матери-матерей.

Ао шел впереди. От его факела брызгами разлетались искры и клубы едкого дыма, доносившегося до ноздрей хуммов. В это время раздался призывный трубный зов самок, и великан вдруг тяжело повернулся и стал догонять удаляющееся стадо. Он

шел не спеша, но огромные шаги его были так широки, что человеку пришлось бы бежать рысью, чтобы не отставать.

Мамонты пересекали поляну. Кусты трещали под тяжестью их ног. Охотники почти бежали, соблюдая, однако, приличное расстояние. Ближе подходить было опасно. Хуммы возвращались той же тропой, какой пришли сюда. Самцы иногда приостанавливались и оглядывались на своих преследователей. Охотники продолжали размахивать дымящимися ветвями и двигались вслед за ними.

КУДА ПОШЛИ ХУММЫ

Мамонты и люди жили в одной стране долгие тысячи лет. Когда люди научились мастерить орудия и охотиться сообща, они стали побеждать самых крупных зверей. Волки, медведи, пещерные гиены с их страшными зубами отступали перед натиском каменных орудий.

Мамонты долгое время были непобедимы. Но и они в конце концов сделались предметом охоты. Люди научились добывать огонь. Они зажигали сухую траву в конце лета, устраивали лесные пожары; они выпускали перед собой страшную стихию огня, которая губила всех зверей и даже мамонтов. Люди научились подстерегать и отгонять от стада новорожденных слонят, чтобы потом захватывать их как добычу. Они выучились делать ловушки и загоны, куда попадали и взрослые хуммы.

Постепенно, в течение десятков тысячелетий, у мамонтов развивался инстинкт страха перед человеком, боязнь его запаха, боязнь огня и дыма—предвестников лесного пожара.

Ао, Улла и Волчья Ноздря вслед за стадом спускались по слоновой тропе к берегу Большой реки. Они торжествовали. Магическая сила Матери-матерей, казалось, продолжала действовать неодолимо. Они твердо верили, что им удастся загнать мамонтов в окрестности селения Красных Лисиц. А тогда...

Вдруг Улла громко ахнул и протянул руку вперед.

Отсюда можно было хорошо видеть, как голова отряда дошла до берега, и передовая слониха повернула не к югу, а к северу. Они собирались идти не к поселку Красных Лисиц, а совсем в другую сторону. Слонята и ближайшие слоны поворачивали вслед за нею.

Что же это значит? Где же тут помощь Матери-матерей?

Где ее могущество? Как остановить их? Как заставить повернуть их обратно?

Ао торопливо выхватил из мешка и поднял над головой магическую статуэтку. Волчья Ноздря зашептал заклинательные слова. Все трое начали кружиться вокруг Матери-матерей.

Но ничто не помогало. Хуммы упрямо шли своей дорогой. Ни один из них не послушался приказаний.

Охотники с недоумением смотрели друг на друга и на костяную фигурку. Куда же девалась ее сила?

Вдруг Улла схватил Волчью Ноздю за плечо:

— Гляди!— зашептал он со страхом и показал на лесные верхушки деревьев.

Осинки и березки гнулись и шумели. Слабый ветерок, который так недавно гнал дым от костра на мамонтов, теперь сменился другим. Вместо него по лесу шумел северяк, от которого шатались древесные стволы.

— Пущено по ветру,— многозначительно шепнул Улла и тревожно огляделся вокруг.

Волчья Ноздря переменялся в лице, а молоденький Ао побледнел, руки у него дрожали.

— Пущено по ветру!— повторил он, как эхо.

— По ветру! По ветру!— зашептал и Волчья Ноздря, и было видно, как волосы на его голове стали топорщиться. Так встает шерсть на загривке у волка, когда он чует медведя.

Все трое стали пристально вглядываться в кусты, ветки которых подозрительно качались. Было ясно, что кто-то, более сильный в этих местах, стал у них на дороге. Это он уничтожил силу, которая помогала им до сих пор. Чужая магическая власть вмешалась в их охоту и повернула все по-своему. Хотя бы один из хуммов пошел к поселку Красных Лисиц.

— Это Куолу!— сказал Волчья Ноздря.

— Ну да, это он!

В тревоге охотники спустились к самой реке. Здесь против устья оврага лежала та самая отмель, которая была истоптана мамонтами. Долина реки уходила прямо на север. Там, где-то далеко, далеко, по рассказам стариков, скрывалось озеро. Из него рождалось начало Большой реки. А еще дальше лежал Большой лед. Оттуда вылетали холодные ветры и выползали туманы.

Охотникам было видно, как вереница темнокоричневых мамонтов тянулась гуськом по мягкой осыпи, у самой воды.

Над ними поднимались почти отвесные обрывы высокого правого берега, поросшего хвойным лесом. Люди шагали по свежим следам. Теперь они не старались догнать зверей, но и упускать их из виду им тоже не хотелось.

Однако расстояние между ними увеличивалось, хотя стадо было еще хорошо видно.

Вдруг чей-то сердитый окрик заставил их вздрогнуть. Они оглянулись и увидели высоко над собою, на самом краю обрыва, полуголого человека. Одна только волчья шкура охватывала его стан. Длинные волосы прядями рассыпались по плечам.

Волосатый махал толстой дубиной.

— Наши хуммы! — кричал он, размахивая руками. — Наши хуммы! Чужое мясо! Плохо гоняться за чужой едой!

Волосатый кричал еще громче и грозился дубиной.

— Это Куолу! Это он пустил ветер на хуммов!.. — зашептал испуганно Волчья Ноздря.

Преследователи остановились. Зубы их застучали от страха. В это время Куолу нагнулся, поднял с земли камень и швырнул с высоты в охотников. Волчья Ноздря бросился ничком на песок и обеими ладонями закрыл голову. Ао и Улла сделали то же. Так лежали они неподвижно, откинув в сторону оружие и уткнувшись лицом в землю.

Некоторое время Куолу еще продолжал кричать. Вдруг он замахал рукой в ту сторону, куда уходили хуммы, и громко рассмеялся, показывая рукой на север. Охотники осторожно подняли головы. Теперь им стало ясно, чему смеялся Куолу. Передовые слоники вошли в воду и начали переходить реку. На той стороне развернулась обширная песчаная мель. Река в этом месте широка, но мелка. Вода и слонятам доходила только до брюха. Они смело шагали за матерями, и все стадо спокойно переходило вброд. По временам хуммы останавливались, чтобы попить в свое удовольствие и побрызгать из хоботов на спины себе или товарищам чистой водицей. Напившись и пополоскавшись всласть, стадо степенно начало выходить на противоположный берег.

Охотники следили за ними через реку. Хуммы ленивой походкой удалялись в глубь заливных лугов. Они осторожно пробирались между озерками и топкими болотцами, покрытыми зеленой осокой.

За широким простором лугов, далеко на севере, виднелась узкая полоска синего леса. Хуммы тянулись туда.

С каждым шагом их темные тела становились все меньше и меньше, пока они из огромных животных не превратились в вереницу медленно ползущих букашек.

КУОЛУ

Куолу надоело смотреть на удаляющееся стадо. Он перестал смеяться, зевнул и полез в свою землянку. Заметив это, наши охотники также успокоились. Они остановились и стали совещаться: итти ли дальше, или возвращаться домой.

— Сердитый! — сказал Улла и робко поглядел на черную нору, в которой только что скрылся Куолу.

— Лучше домой!

— Плохо домой! — сказал Ао. — Ничего нету!

Он вывернул вверх обе ладони, чтобы показать, как плохо возвращаться с пустыми руками.

— Матерям есть надо! Старикам и детям тоже нужна еда.

— Матери-матерей надо еды! — прибавил Волчья Ноздря.

Надо было возвратиться, чтобы еще больше не рассердить Куолу. Если они пойдут запрещенной дорогой, он может испортить и всякую другую охоту на ближайшие дни. Но нельзя было и думать о доме, пока не будет поймана какая-нибудь крупная добыча. Поэтому они решили итти вперед по новым местам и притом против ветра: звери чутки, и если до них доносится запах человека, они прячутся и убегают.

Чтобы задобрить страшного Куолу, Улла приложил к губам рупором руки и закричал: Куолу! Куолу! Хуммы ушли! Не надо хуммов! Мы пойдем. Будет добыча, принесем кусок Куолу!..

Из землянки высунулась лохматая голова. Куолу мрачно махнул рукой, и охотники с облегченным вздохом двинулись дальше.

Почему же так страшен был Куолу? Откуда этот страх перед ним, это трусливое желание задобрить отшельника?

Куолу стали бояться с тех пор, как он здесь поселился. Он был из рода Вурров, т. е. Медведей, поселок которых находился на расстоянии нескольких дней пути, на берегу притока Большой реки. В поселке этом, как и у всех племен, расселившихся по берегам этой реки, строго соблюдались брачные обычаи. Племена жили становищами в курных землянках, крытых коническими или двускатными крышами. В каждом становище ютился отдельный род. Основой рода были женщины-матери. Они были хозяйки землянок. Вместе

со своими детьми, подростками и девушками женщины составляли оседлое население поселка. Мужчины-охотники вели полубродячую жизнь. Они то появлялись, то вновь исчезали. По целым дням, иногда по неделям бродили они за добычей и при удаче приносили ее на общее пользование. Все матери считались сестрами. Их дети, т. е. все девушки и юноши, также считались братьями и сестрами. Когда они вырастали, они не могли вступать между собою в брак. Юноши уходили в соседние дружественные становища и там искали себе невест. Почти всегда они оставались жить в поселке своих жен. Они проводили там, по крайней мере, теплое время года, пока продолжалась их короткая семейная жизнь. С наступлением холодов, а то и раньше, возвращались они в становище матерей, чтобы охотиться и добывать пищу для родного поселка. Тут жили они отдельно от незамужних сестер и младших братьев в особой большой землянке, „в мужском доме“, куда имели доступ только охотники и старики.

Бывало, правда, что жены уходили с мужьями в поселок их матерей. Но тогда они оставались в нем навсегда, и каждый из родных или неродных братьев их мужей мог стать рано или поздно их супругом.

И вот случилось, что молодой Куолу стал мужем своей ровесницы Изы, самой красивой девушки в роде Вурров.

Они были детьми разных матерей, но как жители одного поселка, они, по понятиям Вурров, должны были называться братом и сестрой.

Их брак был нарушением обычаев и привычных понятий племени. В глазах родичей они совершили поступок, с которым никак нельзя мириться.

Поступок этот сделал их отщепенцами в своем собственном роду. Никто не хотел жить с ними под одной крышей. Охотники изгнали Куолу из мужского дома. Женщины не пускали Изу к себе. Куолу и Изе пришлось наскоро вырыть маленькую землянку на краю поселка и отдельно добывать себе пищу.

Вскоре произошел новый случай, который окончательно сделал невозможным совместную жизнь их со своим родом.

В их поселке особенно строго соблюдалось почитание Родового огня. Неуважение к нему каралось, как величайшее из преступлений.

Родовой огонь горел в особой пещере, выкопанной в известковом обрыве. В пещеру имели право входить только Мать-матерей племени да еще четыре старухи, на которых

лежала обязанность поддерживать пламя, подкладывать сучья и валежник. Если в поселке гасли все домашние очаги, можно было взять от Родового огня горящую головню. Но сделать это могла лишь сама Мать-матерей после усиленных просьб своих детей и внуков. С особыми церемониями и ворожкой вынимала она горящую ветку и отдавала одной из бабушек, а та в свою очередь передавала ее тем, кто почтительно дожидался у входа.

И вот случилось так, что в летнем шалаше молодого Куолу погас огонь. Иза пошла за огнем в соседнее становище. Но никто не давал ей огня, потому что она считалась чужой. Тогда она вошла потихоньку в пещеру Родового огня, в которой, как ей показалось, не было никого, и похитила горящее полено.

Но уже к вечеру все стали говорить о том, что Иза и Куолу похитили огонь из священной пещеры. Куолу и Иза усиленно отрицали свое преступление. Но следопыты племени доказывали, что след маленьких женских ног ведет от пещеры к летнему шалашу Изы и Куолу.

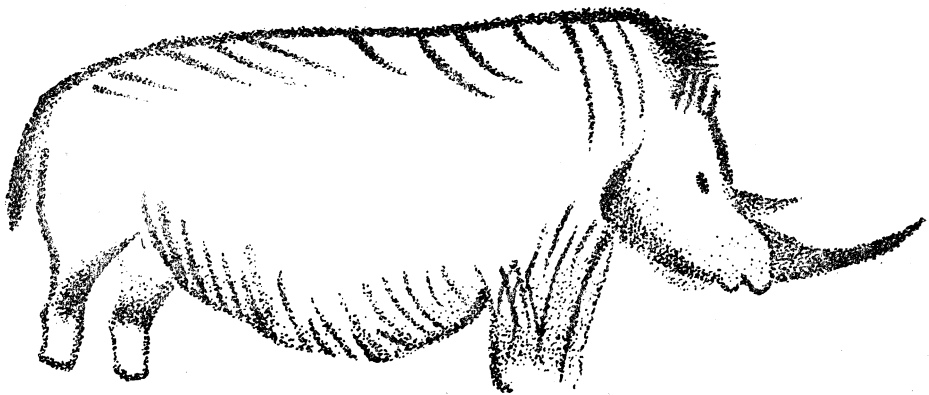
Мать-матерей назначила на следующее утро суд для расследования страшной кражи. Суд должен был начаться гаданьем, которое откроет преступников. Виновных будут испытывать огнем, и, в случае их осуждения, им грозила немедленная и мучительная казнь.

Своевольная пара знала, что их ожидает. Куолу и Иза в ту же ночь бежали из своей землянки, захватив с собой оружие и пару мешков, набитых звериными шкурками. Они бежали далеко и вырыли себе землянку на полпути между поселками Красных и Чернобурых Лисиц.

Долго и искусно они скрывались, потому что боялись жестокой расправы. Но родные выследили их. Лучшие охотники поселка Медведей отправились, чтобы захватить их живыми или мертвыми. Однако облава потерпела полную неудачу: найденная землянка оказалось пустой.

Преследователи построились широкой цепью и стали обыскивать соседний лес. Они уже напали на их след. Гибель их казалась неизбежной. Как вдруг огромный носорог неожиданно бросился на преследователей. Двух из них он убил своим рогом, трех затоптал насмерть ногами. Остальные разбежались и вернулись домой, пораженные ужасом.

С тех пор все были убеждены, что Куолу оборотень. Его стали бояться, как огня. Его считали могущественным колдуном,

который может сделать какое угодно зло. Всякую беду, болезнь, смерть или неудачу приписывали колдовским чарам Куолу.

Если охота была неудачной и жители поселка начинали голодать, снаряжалось посольство на поклон Куолу. Его задобривали подарками или обещаниями. Просили не мешать охоте и после удачи лучший кусок относили к землянке колдуна. Куолу сам старался поддерживать свою славу оборотня и колдуна. При случае он рассказывал о себе страшные небылицы. При этом сам он начинал твердо верить в свои рассказы и в свои магические способности.

И всякий раз, когда людям приходилось держать путь мимо Куолу, они старались сделать это как-нибудь незаметно: обойти стороной, проскользнуть ночью или на утренней заре, когда обитатели страшной землянки еще спали.

Вот почему угрозы Куолу так напугали наших охотников. Какое облегчение почувствовали они, когда землянка скрылась за выступом берега! Как хорошо, что ее уже больше не видно! Ветер дует теперь не со стороны землянки, и Куолу не может послать им вслед „враждебное заклинание“.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Солнце уже начинало садиться где-то за лесом. Тень от высокого берега перекинулась через реку. Надо было подумать о ночлеге. Охотники стали взбираться на высокий берег в том месте, где он был менее крутым. Но едва они вступили в лес, как из кустов показалось с десятков вооруженных людей.

Охотники приготовились защищаться, но услышали смех и веселые голоса:

- Чернобурые не трогают Красных Лисиц!
Это была встреча людей дружественных селений.
— Что видали хорошего?
— Все хорошо!
— Что видали злого?
— Ничего злого не видали!

Охотники дружественного племени повели соседей к своему лагерю. Неподалеку от берега горел костер. Около него тоже сидели люди. Двое из них поджаривали на вертеле ногу убитого оленя. Более голодные лакомились сырой печенкой и кусками парного мяса. Старшие разбивали камнями очищенные от сухожилий трубчатые кости, чтобы добраться до вкусного костного мозга.

Гости были приглашены участвовать в пире. Это было очень кстати. За едой друзья обменивались новостями. Встреча с мамонтами всех заинтересовала. Сговаривались проследить это стадо для совместной охоты.

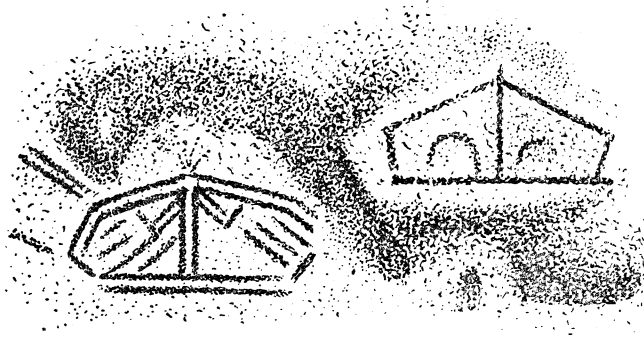
— Нет! — сказал самый старший из Чернобурых. — Хуммы уйдут далеко. Пойдут к Большому льду. Хуммы знают: прилетит мошка, будет забиваться им в ноздри. Мошек боятся и хуммы. Теперь они худые. Осенью будут жирные. Пожелтеют березы. Упадут листья. Умрет мошка. Подует холодный ветер. Приползут туманы с Большого льда. Тогда вернутся хуммы. Горбы их будут еще выше, чем теперь. Хуммы придут тем же путем.

Чернобурые будут их сторожить. Они расскажут обо всем Красным Лисицам. Красные Лисицы вместе с Чернобурыми станут ловить горбатых хуммов.

Чернобурые рассказали, как они выследили большое стадо оленей. Они крадутся за ними уже много дней. Когда удастся погнать их к загону, то Красные Лисицы помогут им окружить стадо.

За едой и разговорами незаметно спускалась ночь. Вверху замигали звезды, и лагерь начал готовиться к ночлегу. На всякий случай зажгли четыре костра. Ночевщики расположились на траве. Огонь охранял их сон от зверей и от злых взглядов, которые приносит ветер.

Усталые люди крепко уснули, подложив под голову по охапке мягкой травы и листьев. Только двое сторожевых остались сидеть у костра. Чтобы не уснуть, они тихонько переговаривались между собой. По временам они подкидывали в огонь заготовленные пучки валежника. Долго не спал также

художник Ао. Он сидел, охватив руками колени и откинув назад свою красивую голову. Ао прислушивался к затаенным шопотам ночи и следил за мерцанием голубых огней, разбросанных по всему небу.

УТРО В ПОСЕЛКЕ ЧЕРНОБУРЫХ

Летняя ночь накрыла темным пологом и поселок Чернобурых, и соседний лес, и всю долину Каменного оврага, где мирно спали люди в своих землянках. Землянки были вырыты недалеко от края оврага и глядели в него темными дырами входов. Ниже выступали каменные глыбы твердых известняков и великолепного мягкого мела.

Еще темнее было в лесу, который поднимался за поляной. Но коротка летняя ночь. Не успели люди отдохнуть от дневных трудов, как на востоке показались слабые отсветы зародившейся зари. Свет перекинулся и на правый высокий берег, у подножья которого, у самой воды, по осыпи тянулись низкие кусты ивняков.

Неожиданно две серые тени выползли из ивняка и замерли на месте. Пока они были неподвижны, их трудно было заметить. Вдруг они двинулись вперед и темными комочками скользнули к самой воде. Теперь их можно было разглядеть более ясно. Это были два пушистых зверька ростом с небольшую собачку. Дымчатая шерстка их летних шкурок как нельзя лучше скрывала их в сумерках ночи. Осмотревшись хорошенько, они припали к воде и начали жадно лакать горячими узенькими язычками. Это были песцы, или полярные лисицы.

Как же могли они очутиться здесь, так далеко от Полярного круга?

В ледниковое время это было в порядке вещей. Полярные лисицы водились и там, где теперь расстилаются черноземные степи, в нынешней Воронежской и соседних с нею областях. А северные олени бродили вплоть до склонов Крымских и Кавказских гор.

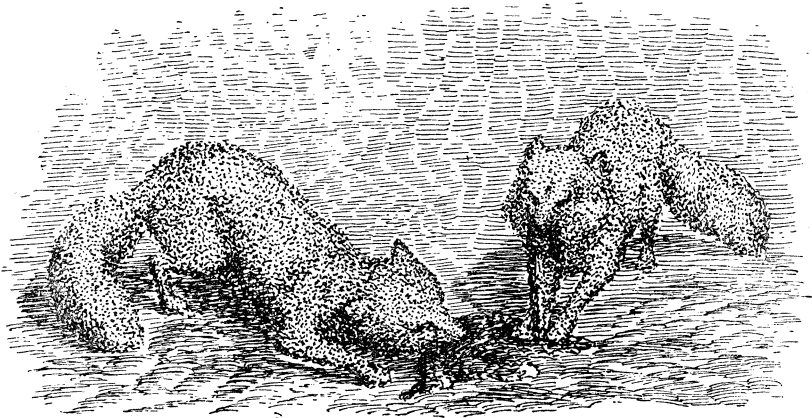
Лисички напильсь, подняли мордочки, наострили ушки и потянули ноздрями воздух. Ветер качнул тонкие лозинки и донес им отдаленный, но терпкий запах человеческих нор. Пахло слегка дымом кострищ, жженою костью, человеческим потом и приятным для песцов ароматом гнилых отбросов.

Песцы жадно проглотили набежавшую слюнку и, осмотревшись еще раз, помчались туда, куда призывал их заманчивый запах. Они летели по берегу плавными скачками, словно пара серых ночных птиц, скользящих бесшумным полетом над самой землей. Возле устья Каменного оврага они остановились и прислушались к журчанию холодного ручейка, протекавшего под сводами еще нерастаявших на дне оврага снежных сугробов.

Наконец, они очутились у полого спуска, по которому можно было подняться на высокий берег прямо к землянке Чернобурых.

Песцы стали осторожно подкрадываться к поселку. Люди еще спали. Но тем приятнее манили их вкусные запахи.

На ровной площадке перед входами землянок было раскидано много отличной еды. Везде валялись кости. Мясо на них было обглодано, но на многих можно было найти присохшие сухожилия и свежие хрящи. Губчатые части костей, пропитан-

ные костным жиром, были вполне съедобны. Попадались и куски мяса, брошенные в дни изобилия. Они издавали гнилостный запах, столь отрадный для ноздрей полярных лисичек.

Зверьки с удовольствием доедали отбросы человеческой кухни. Особенно радовала их куча выброшенных оленьих кишек и набитые зеленой массой желудки. Возле одной из землянок сильно пахло рыбой. Здесь валялись рыбы внутренности, головы щук, окуней и налимов.

Все это издавало такой разнообразный и аппетитный запах, что песцы не знали, чему отдать предпочтение. В предутренней тишине отчетливо слышался хруст костей и чавканье пахучих внутренностей.

Заря разгоралась. В кустах уж заливались звонкие зяблики. Над болотом потянулись туманные полосы. Близилось утро. Прохладный воздух становился почти морозным. Вдруг затрещала и отодвинулась плетеная заслонка у входа одной из землянок.

Из темного отверстия душного жилья людей высунулась кудрявая голова. За ней показалась тонкая фигура полуголового юноши, почти мальчика, опоясанного широким меховым поясом. Это был Уа, старший сын рыжей Уаммы и самый бойкий из ее детей. Уа выполз на четвереньках из черной дыры и осмотрелся.

— Фью!—свистнул он на песцов.

Они отбежали на несколько шагов и с любопытством уставились на человека. Он свистнул еще раз. Но песцы остались на месте и продолжали его разглядывать. Тогда ему сделалось страшно.

— Может быть, это оборотни? Может быть, это колдуньи из враждебного племени Лесных Сов? Отчего они так пристально смотрят? Может быть, они хотят послать несчастье недобрым вражеским глазом?

Уа глядел на них со страхом. Лицо его вытянулось. Он уже начал пятиться поближе к землянке, как вдруг взгляд его упал на кучку белых камней, аккуратно уложенных направо от входа. Уа вспомнил, что это наговорные камни; над ними долго шептала сама седая Каху, Мать-матерей Чернобурых. Каждый из них был помечен черным углем.

Теперь Уа знал, что надо делать. Если кинуть в оборотня наговорным камнем, от оборотня пойдет дым: оборотень обернется туманом. Если же это настоящие песцы, они убегут.

Уа схватил один из магических камней и метко швырнул

им в лисичек. Песцы взвизгнули тонкими голосами и опрорметью бросились в кусты.

— Дыма нет!—решил Уа.—Не оборотни!

И он тихо засмеялся над своим испугом.

В ЗЕМЛЯНКЕ УАММЫ

Уа был высок и строен. Если бы его спросили о его годах, он даже не понял бы вопроса.

Во-первых, он почти не умел считать. Если он хотел рассказать, что видел четырех зайцев, он загибал на руке четыре пальца. Всякое число больше пяти он называл просто „хоа“, т. е. много. Да и во всем поселке Чернобурых никому и в голову не приходило считать года. Важнее было вот что: на верхней губе его уже показался рыжий пушок, а голос его начал грубеть и ломаться. В последний год он сильно вырос. Мускулы его рук и ног стали тверды и сильны.

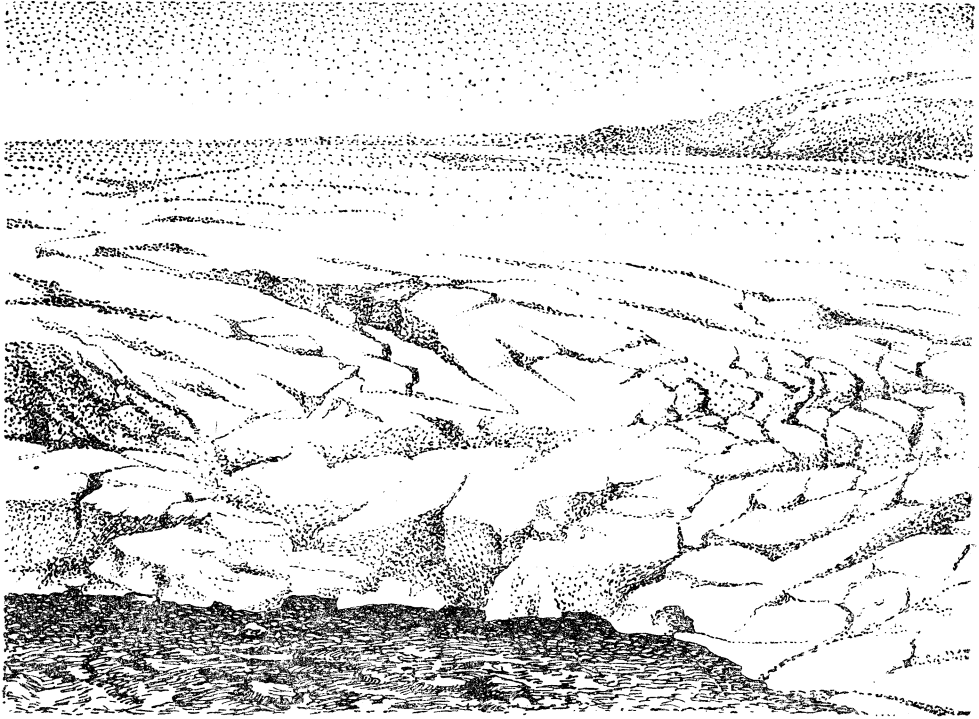
Отрочество Уа подходило к концу. Он уже давно с нетерпением дожидался того дня, когда взрослые охотники позовут его в мужской дом. Ему дадут в руки боевое копье. Его примут в число охотников. Его станут брать с собой на поиски оленьей, на охоту за бизонами, носорогами, а может быть, и за дикими лошадьми. Правда, ему придется немного пострадать. Он еще должен выдержать трудное испытание. Но этого он не боялся. Он сам готовился к этому „экзамену на зрелость“. И не раз он потихоньку хлестал себя гибкой лозой по голой спине, чтобы уметь, не моргнув, переносить самую острую боль.

Он готов хоть сейчас на какие угодно муки, только бы получить право называться настоящим взрослым охотником.

А пока он еще мальчик. Он должен жить с сестрами и младшими братьями в материнской землянке, где было душно и жарко. Она была битком набита женщинами и детьми. В ней пахло дымом очага и людским потом. Здесь ютилось целых четыре семьи: семья его матери и трех ее сестер.

Возле матерей копошилась целая куча больших и малых ребят, от длинных подростков до грудных младенцев. Только у самой молоденькой тетки был один ребенок.

Под утро воздух спирался до того, что дышать становилось трудно. Люди начинали один за другим выползать наружу, чтобы подышать свежим воздухом, освежиться холодной водой.

Уа вприпрыжку сбежал в овраг и горстью стал черпать ледяную воду, выбегающую из-под снега. Несмотря на июньские дни, было почти морозно. С севера тянуло сырым и холодным ветром.

— Недаром старики говорят, — думал он, — что в той стороне Большой лед. Летом из-под него течет вода. Там родится много ручьев и потоков. И Большая река вытекает из ледяных ворот. Только это далеко, очень далеко. Ноги заболят, пока дойдешь до Большого льда.

Уа остановился возле ручья и задумчиво загляделся в ту сторону, откуда мчался сырой и холодный ветер.

— Бррр!..

Уа озяб и, дрожа от холода, прыжками помчался в гору. Он проворно нырнул в дверную дыру, которая была открыта настежь. Воздух теперь вливался в жилье не только через вход, но и через небольшое оконце над дверью. На ночь его обыкновенно затыкали заячьей шкуркой, но утром торопились открыть, чтобы прогнать духоту.

В землянке стоял тусклый утренний полумрак. Даже

привычный глаз с трудом различал в нем фигуры людей и звериные шкуры, развешанные по стенам. На полу лежали толстые оленьи меха. Они служили постелями. Жилище внутри было похоже на внутренность большого шалаша или чума. Двускатная крыша посредине была подперта двумя крепкими столбами. К земляным стенам жилища прислонен частокол из еловых жердей. Для прочности их связывали лыками или гибкими прутьями ив.

В землянке все уже проснулось. Матери кормили грудью своих ребятишек. Кормили не только рожденных в этом году, но часто двух-и трехгодовалых. Кормилицам приходилось сейчас очень трудно. Уже два дня все люди поселка жили впроголодь. Запасов пищи не было. Дети хныкали и просили есть.

Матери удивлялись, куда пропали охотники-мужчины. Вот уже несколько дней, как они отправились за добычей, и никто еще не возвращался. Верно, забыли что их ждут, или охота была неудачной.

Начало лета было тяжелым временем. Ягод, орехов и грибов еще не было. Птичьих яиц стало гораздо меньше. Большая часть „чикчоков“ — северных оленей — уже откочевала к северу. Если охотникам не удавалось овладеть какой-нибудь другой дичью, приходилось питаться кое-как. Женщины собирали поблизости съедобные травы и корешки. Подростки и девушки в поисках пищи уходили далеко от селений. Ходили гурьбой, чтобы не было страшно.

Уамма только что кончила кормить своего младшего, пятого по счету сына — Лаллу. Она завернула его в мех, сшитый из нескольких шкурок зайца-беляка, и всунула в меховой мешок. Лысая головка его торчала наружу. Розовый блинчик лица с пуговкой посредине и узкими щелками зажмуренных глаз казался матери милее всего на свете. Уамма подвесила мешок на ремнях к потолку у самой стены. Не хорошо, когда ребенок валяется на полу. На него недолго и наступить в тесном и темном жилье.

Лаллу не протестовал. Он привык к своему мешку. Он был сыт и потому закрыл веки и спокойно уснул в висячей люльке.

Уамма забросила руки за голову и стала закручивать пучком свои длинные золотистые волосы. На вид ей было около тридцати лет. Она была сильная, красивая и статная женщина.

Как и все матери, она была почти без одежды. Только длинная бахрома из лисьих, песцовых и вольчих хвостов,

подвешенных к меховому поясу, составляла что-то вроде короткой юбки вокруг ее стана. Другая такая же бахрома из хвостиков полевки и землероек охватывала ее крепкую шею.

Покончив с прической, она подошла к старшему сыну. Уа лежал, закутавшись в меха, и отогревал остывшие в овраге руки и ноги.

— Вставай, Уа! — крикнула она. — Рыбы в реке! Птицы на яйцах!

Она шлепнула его ладонью по спине и громко засмеялась. Мальчик вскочил на ноги, и по всему дому раскатился его громкий голос:

— Рыбы в реке! Птицы на яйцах!.. Хо! хо!

С десятков голосов откликнулось ему со всех концов. И скоро целая куча ребят, наскоро натянув на себя меховое платье, стала собираться на охоту. На поляне к ним присоединились дети из домов других матерей. Здесь детвора разделилась на две партии. Девочки-подростки отправились на опушку леса набрать съедобных трав, нарвать корешков и осмотреть гнезда птиц, если они им попадутся. Несколько мальчиков, взявших специалистов отыскивать яйца, отправились с ними.

Другая ватага двинулась на берег реки. Это были самые старшие из подростков. Рыбная ловля требовала не только искусства, но и силы.

В те времена удочек еще не существовало. Рыбу добывали руками или рыболовным копьем. Острие такого копья делали из кости. Копьем можно было ловить только крупную рыбу, добыть которую было не так-то просто.

Старая Каху, Мать-матерей Чернобурых Лисиц, сама вышла, чтобы пошептать вслед и послать „добрый глаз“ молодым охотникам и охотницам.

К полудню вернулись девочки. Они принесли ворох корешков и съедобных лишайников. В особом мешке были сложены молоденькие птенцы, найденные в птичьих гнездах. Яиц принесли мало, да и те были насиженные. Время кладок уже проходило. Всех запасов пищи было собрано не мало, но накормить все население поселка ими было нельзя. Найденные яйца отнесли прежде всего Каху и другим бабушкам, которые жили вместе с ней в землянке Родового огня. Птенцами накормили маленьких детей.

К вечеру вернулись рыболовы. Они притащили довольно много крупной рыбы. Но беда была в том, что старики Чернобурых вовсе не ели рыбы.

Это был пережиток седой старины. Предки племени не знали рыболовства. Только недавно Чернобурые переняли приемы рыбной ловли у жителей Нижнего поселка и научились от них печь ее на горячих углях.

Но и до сих пор старики, а особенно старухи, брезгали рыбьим мясом. Оно внушало им странное отвращение. Только более молодые решались есть печеную рыбу. Но и то это делалось лишь тогда, когда долго не было никакой другой пищи.

На широкой площадке был разведен костер, около которого собралось все население поселка. Матери кидали рыбу прямо в чешуе на уголья, которые они выгребали палками из костра.

Там она, шипя, запекалась, пока кожа ее не обугливалась от жара. Печеных щук, окуней, стерлядок раздавали желающим. Не давали рыбы только маленьким детям: они могут подавиться костями.

Обычай требовал всякую пищу предлагать сперва старшим. Лучшие куски рыбы матери отнесли в землянку Родового огня. Там жили старики и старухи, хранители очага. Там жила сама Каху, Мать-матерей поселка Чернобурых Лисиц. Целыми днями сидели они вокруг огня, подкидывая туда еловые сучья. Старики по очереди ходили в лес за охапками валежника.

Когда женщины принесли рыбу, старухи отвернулись и сердито зашамкали беззубыми ртами. Некоторые плевались.

Фао, самый старый из дедов, сгорбленный, но высокий, поднялся во весь рост и свирепо замахал кулаками. Серые глаза грозно сверкнули из-под мохнатых бровей. Он вдруг рявкнул на всю землянку, словно большой медведь. Женщины с визгом выбралась наружу и начали торопливо жевать отвергнутую пищу.

ХУДОЖНИК ФАО

На другой день солнце встало золотое и яркое. Его лучи разогнали холодную дымку тумана над оврагом и кочковатым болотом. Но в землянках матерей долго не открывались входные заслонки. Вчерашняя еда только ненадолго утолила голод. В жилье стоял полумрак. Людям не хотелось подниматься со своих теплых постелей.

Потом начали плакать дети. Они были голодны. Матери

сердились и шлепали малышей. Лучше всего было грудным: они были сыты материнским молоком.

Всех голоднее были старики и старухи. Они по очереди выползали наружу и долго вглядывались вдаль, прикрывая глаза костлявыми ладонями,

Когда же вернутся охотники?

Сама Каху вышла на площадку и пристально глядела через овраг. Потом она вернулась к очагу и поманила рукой Фао.

Когда он присел возле нее на корточки, она тихонько прошептала ему на ухо несколько слов и показала рукой на дверь.

В землянке Уаммы дети особенно раскричались. В это время кто-то сильно толкнул снаружи дверную заслонку, и она упала на пол. Через вход ворвался свет и холодный воздух.

Дети замолкли. Все испуганно оглянулись на входную дыру. В нее просунулась белая голова, и вслед за ней в землянку на четвереньках прополз дед Фао. Он огляделся вокруг своими красными и слезливыми от едкого дыма глазами и подошел к шкуре, на которой сидела рыжая Уамма. Фао похлопал ее ладонью по плечу, молча ткнул пальцем назад к выходу и молча выполз обратно.

Уамма быстро набросила на себя меховое платье и вышла за ним следом. В землянке Каху ярко горел огонь. Еловые сучья трещали и кидали вверх целые снопы искр. Это был не простой костер. Это был Родовой огонь, покровитель племени, податель тепла и света, защитник от тайных врагов и „дурного глаза“.

Серый дым струей поднимался вверх и уходил через крышу в дымовую дыру. Она всегда была открыта настежь, остатки дыма клубились под стропилами потолка и висели над головами. Когда Уамма поднялась на ноги, едкая гарь начала щипать ее зеленоватые глаза. Она нагнулась и ползком приблизилась к очагу. Вокруг сидели бабушки. Одни из них были очень толстые, другие — тонки, костлявы и горбаты.

Мать-матерей Каху сидела посредине, на краю разостланного меха бурого медведя. Она молча показала рукой на медвежью шкуру.

— Плясать будешь! Оленем! — сказала она.

— Три матери! Три рога!

Уамма засмеялась и скинула с себя платье. Она улеглась ничком на шкуру и положила голову на колени Каху.

Подошел Фао. В руках он держал меховую сумку, из которой вытряхнул какие-то разноцветные комочки. Здесь была желтая и красная охра, белые осколочки мела и черные куски пережженной коры. Все это были краски первобытного художника-мага. Фао взял уголек и в несколько штрихов набросал на смуглой спине Уаммы фигуру самки северного оленя с закинутыми назад рогами, с вытянутыми в воздухе линиями ног. Готовый контур был подкрашен мелом и углем, и стало ясно, что художник изображает весеннюю окраску оленя, когда белая зимняя шерсть клочьями начинает выпадать и заменяется пятнами коротких и темных летних волос. В передней части груди Фао нарисовал продолговатое кольцо, закрашенное внутри красным. Это было сердце оленя, полное горячей крови. Копыта покрыты желтой краской, рога — бурой.

По знаку Каху Уамма поднялась. Старухи отвели ее за костер, так что рисунок был отчетливо виден всем, кто сидел в землянке.

— Тала! — сказала Каху.

— Тала, тала! — повторили за ней хором все остальные.

Этим словом обозначали жители поселка оленью самку. Теперь Уамма была не Уамма. Она была „тала“.

В рогатого зверя превратила ее художественная магия Фао и заклинание Каху. Первобытный человек во все времена отличался огромной силой воображения. Ему можно было внушить все. Он верил словам больше, чем глазам. Фантазия подчиняет его себе целиком. Действительность бледнеет перед ней, и самые глаза начинают видеть не то, что есть на самом деле.

В те далекие времена люди жили в наивной простоте первобытной культуры. Во сне они были во власти видений, а их дневные мысли часто были похожи на сны.

И с той минуты, как Уамма услышала слова Каху: „Ты тала! Ты самка оленя!“, она сама стала чувствовать себя настоящей оленьей самкой. Она больше не улыбалась! Ведь олени не смеются. Она чувствовала, как на голове ее качаются тяжелые, ветвистые рога, а на ногах выросли твердые двойные копыта.

— Ложись! — сказала Каху. — Спи!

Уамма послушно улеглась ничком и зажмурилась. Два старика принесли оленью шкуру и накрыли ее, а впереди положили голову молодой важенки с шерстью и короткими

рогами. Через полминуты Уамма уже спала и видела себя во сне оленем.

Каху назвала еще два имени: Балла и Огга.

Это были две другие матери; Фао был послан их звать к Родовому огню.

В поселке была еще другая группа землянок. Женщины этой группы имели особую родоначальницу и не считались сестрами матерей первой группы. Их звали „дальними“. Это значит, что их дочери могли брать себе в мужья сыновей основной ветви и наоборот.

Огга была матерью из другой ветви Чернобурых. Балла была похищена из другого племени и жила вместе с Оггой.

Огга была маленькая и толстая женщина. Балла — стройная и худая. Огга была самая многодетная из матерей. Никто в поселке не мог сказать, сколько раз она рожала. Люди не знали числа выше пяти.

Балла была молодая и веселая. У нее был один только грудной ребенок. Она была из племени Вурров. Два года тому назад ее привел охотник Калли, и она осталась жить с Чернобурыми.

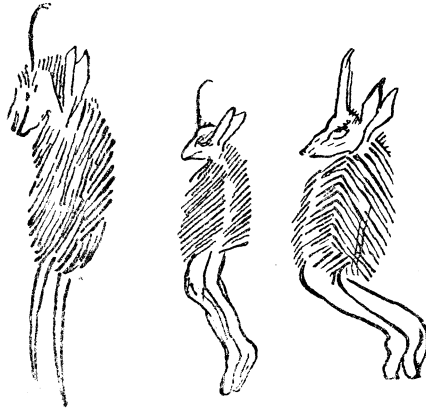
Фао расписал обеих женщин. Они были раскрашены так же, как и Уамма, и так же укутаны в оленьи шкуры. Всем трем, кроме того, надели на шею по священному ожерелью из оленьих зубов, а на пояс тонкий ремешок, к которому сзади привязали по короткому оленьему хвосту.

МАГИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ

Главной заклинательницей племени была Каху. Трое матерей только исполняли ее волю.

По знаку Матери-матерей четыре старика вынесли на лужайку горящие сучья. На них извивались золотые змеи — дети Родового огня. Старики подожгли с четырех концов большую кучу валежника, сложенного посреди поляны.

А кругом уже давно собралось все население поселка. Люди уселись двумя кругами. Внутри сидели дети. Кругом — матери, девушки и подростки. Из землянки вышла сутулая Каху. Она опиралась на толстую клюку. Белые космы волос падали на плечи. Голова и руки тряслись. Крючковатый нос нависал над губами.

Старики постлали перед костром три медвежьих шкуры. Каху уселась на средней, опустила голову и тихо забормотала непонятные слова.

Толпа затаила дыхание. Слышно было, как летали мухи.

Фао и другие старики вернулись в землянку. Скоро они вывели оттуда трех матерей. Они были окутаны оленьими шкурами. Головы их украшали пустые черепа с маленькими рогами молодых важенок. Фао подвел женщин к костру. Каху бросила в огонь связку сухого можжевельника. Пахучий дымок вместе с тучей блестящих искр взлетел на воздух.

Старики сняли с женщин шкуры и черепа и каждой из них вложили в руки по молодому рогу оленя. Одежду им заменяла теперь только живопись, которая их покрывала.

Каху и вслед за ней все остальные хлопнули в ладоши. Протяжный мотив заклинательной песни тихо поплыл над замороженной толпой.

Три матери, взявшись за руки, ходили кругом. Через каждые три шага они сгибались, опускали руки до земли и срывали пальцами травинки. Так изображали они, что олени пасутся.

Когда плясуньи оборачивались спиной, зрители видели нарисованные там фигуры. И все знали, что перед ними "талы" — рогатые важенки оленя.

Но вот Каху перестала бормотать. Фао помог ей подняться. Мать-матерей обвела по воздуху пальцем: это она окружила себя магическим кругом. Все вскочили на ноги. Старики и старухи, матери и девушки, подростки и маленькие дети сцепились в один хоровод.

Вне хоровода остались только три „талы“ и сама Каху. Губы старухи продолжали шевелиться. В то же время она внимательно искала кого-то глазами. Из взрослых мужчин в хороводе участвовал только один. Это был Тупу-Тупу, искусник в обработке кремня и первый мастер-оружейник. Его копья и дротики были высшими образцами оружейного искусства. Но Тупу-Тупу был хром. Искалеченная нога делала его негодным для охоты.

Вдруг Каху протянула свою клюку и дотронулась до проходившего мимо Уа. Он был самый рослый из подростков. Руки и ноги его были стройны, а стан гибок, как молодая березка. Глаза его сияли, а на верхней губе слегка проби- вался рыжий пушок.

Все остановились. Уа, густо краснея, вышел из круга. Каху подала ему палку с обугленным концом — магическое копьё в обряде заклинания зверей. Теперь началась самая важная часть колдовства.

Хоровод снова задвигался. Женщины и девушки пели. Напев их был однообразен и дик. Они пели про то, как всходило солнце из-за синего леса, как вышли на болото три белые важенки — „талу“ пощипать зеленой травы и сладкой морошки. Выходил тут из леса молодой Уа-охотник. В руках у охотника острое копьё, во лбу у него меткий глаз, в сердце у молодца горячая кровь.

В это время Уа опустил на землю. Разрисованные матери ходили вокруг костра и рвали руками траву. А мальчик, сжимая в руке воображаемое копьё, подползал к ним все ближе и ближе. Он изображал, как подкрадывается охотник, как высматривает добычу и рассчитывает свое нападение.

Вдруг он вскочил и с криком взмахнул обугленной палкой. Женщины, девушки и дети пронзительно завизжали, а татуированные матери бросились убежать. Лица их побелели от страха, глаза широко раскрылись. Они бегали вокруг хоровода, сколько хватало сил.

Всего трудней было толстой Огге. Она задыхалась, ноги ее подгибались от усталости. Уа быстро настиг ее и ткнул обугленной палкой в спину. Новый пронзительный визг огласил воздух, и Огга, пробежав до медвежьей шкуры, рухнула ничком в густую пушистую шерсть.

Фао подошел к ней со своими красками. Он провел угольком черную линию от красного кружочка кверху, а охрой — красную полоску вниз. Это означало, что копьё

охотника пронзило сердце, и из него побежала красная струйка крови.

Одна самка оленя была убита, но игра продолжалась. Теперь Уа гонялся за Уаммой. Это были не сын и мать: это был страстный охотник, который гнался за испуганной добычей. Уамма бегала лучше, но и она недолго спасалась от своего быстрого преследователя. Он ударил ее, и довольно больно, копьём. Фао снова подошел к упавшей на шкуру женщине и проделал над ней ту же церемонию, что и над Оггой.

Теперь настала очередь сразить молодую Баллу. Балла — высокая и стройная женщина. Когда она убежала от мальчика, ветер свистел в ее ушах, и сама она была похожа на резвую девочку-подростка. Уже три круга пробежали они вокруг хоровода, а расстояние между ними почти не уменьшалось. Вдруг Балла споткнулась о кочку и шлепнулась в траву. Еще мгновение, и охотник был уже над ней. Уа, забывшись, так ткнул ее палкой, что у нее на правой лопатке появилась большая ссадина.

Когда Фао закончил разрисовку поверженной жертвы, у нее на спине можно было заметить две красные полосы. Одна из них была сделана рукою художника, а другая — настоящая кровь, вытекавшая из царапины.

Каху велела всем трем женщинам подняться. Они стали рядом: Уамма — посредине, Огга с рогом в левой руке — налево, Балла — направо. Балла держала рог в правой руке и с улыбкой посматривала на этого Уа, который так больно ее ударил.

Но почему-то ей было смешно и вовсе не хотелось сердиться.

Охотник стоял неподвижно с поднятым копьём, как будто прицеливался в добычу. А девушки и женщины пели про оленьих важенок, про то, как они вышли на болото пощипать зеленой травы, и про то, как вонзил им в сердце копьё молодой Уа-охотник.

ОБЛАВА

Заклинательный танец кончился. Но никто еще не расходился. Только Уамма, Балла и Огга побежали проведать своих малышей. Балла мчалась впереди, подскакивая по-детски на одной ноге. Она чувствовала, как груди ее напряглись от

прилившего молока и потому знала наверное, что ее маленький заливаётся слезами. Рыжая Уамма старалась не отставать, но это ей плохо удавалось. Она завистливо любовалась легким бегом Баллы. Сзади трусила Огга. Она тяжело переставляла короткие ноги, пыхтела и задыхалась.

Кашляя и прихрамывая, поплелась в землянку к Родовому огню старая Каху. Она с трудом опиралась на корявую клюку. Губы ее все еще шевелились, как будто она никак не могла кончить своих бормотаний.

И вдруг случилось то, что навсегда утвердило за старой Каху славу великой заклинательницы. Из лесу выбежал высокий охотник в короткой меховой безрукавке.

Все обернулись. Дети закричали:

— Калли вернулся! Калли!

Калли показал копьём в сторону болота.

— Олени! — кричал он. — Много оленей! Как комары! Много, много и еще много!

Все радостно засуетились.

— Где олени?

— На болоте! Охотники гонят. Помогать надо! В загон загнать!

Олений загон был по ту сторону оврага. Там на кочковатом болоте были воткнуты два ряда высоких жердей. Между собой они соединялись также длинными жердями, привязанными пучками ивовых прутьев.

Это были две высокие изгороди. Через них не могли перепрыгнуть ни олень ни дикая лошадь. Изгороди к болоту расходились широким раструбом. К береговому обрыву они суживались как воронка. Здесь оставался проход шагов в семь шириной. Он вел на небольшую площадку — род террасы, сплетенной из древесных ветвей и замаскированной лапами елей. Террасу снизу поддерживали тоненькие жердинки. Все сооружение было так шатко, что даже человеку ступить на него было опасно.

Все население поселка, кроме старух и больных, приняло участие в облаве. Матери, девушки, подростки и дети лет от семи и старше перебрались на другой берег оврага. Там легли они длинной цепью, спрятавшись среди низких кустов ивняка. Несколько дозорщиков во главе с охотником Калли проползли вперед, чтобы лучше видеть всю равнину болота.

Ждать пришлось недолго. Скоро из-за низкорослой ивовой поросли показался живой кустарник. Он качался и

двигался. Это были рога, одни рога, сотни ветвистых рогов, еще обросших бурой шерстью, хрящеватых, полных горячей кровью.

Но вот показались и сами олени. Словно густое стадо больших овец спускались они от леса на болото. Впереди шли самки с оленятами. Сзади — крупные самцы с огромными рогами.

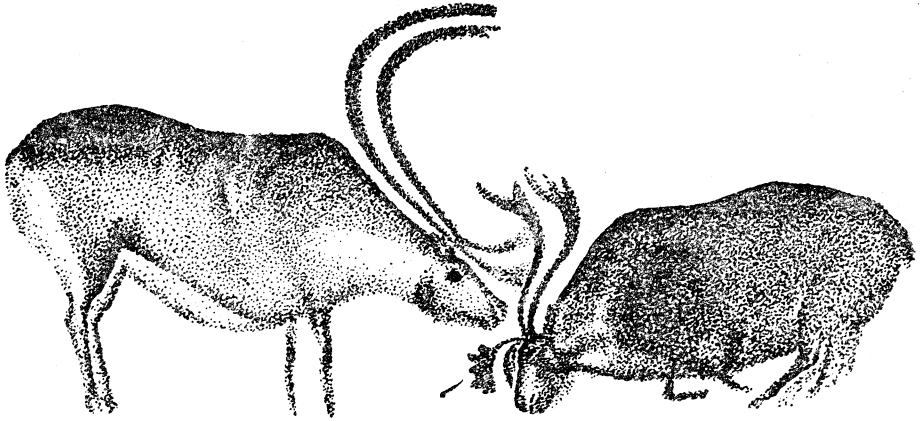
Звери шли и оглядывались. Им чудилась опасность. Об этом говорило им тончайшее чутье. По ветру они узнавали человека за много тысяч шагов. Но ветер относил запах поселка в другую сторону. Зато с тылу он нес им жуткую весть: „двуногие близко“. Уже несколько дней запах двуногих преследовал оленей. Он пугал их и заставлял итти все вперед и вперед.

Стадо приближалось. Уже слышалось глухое хрюканье маток. Они то и дело окликали своих сосунов, оглядывались на лес и мордой подталкивали оленят. Ведь останавливаться было нельзя. Надо было итти во что бы то ни стало, потому что сзади за ними крались неведомые, но страшные запахи. Последние ряды рогачей уже вышли из кустарников, и теперь стало видно все стадо.

В передних рядах их стала нарастать смутная тревога. Откуда-то, с самой земли, с протоптанных между кочками тропинок начинал врываться в их ноздри тот же самый жуткий запах. Опасность была везде. Она надвигалась и от оврага, и от берега реки, и сзади от опушки леса.

Матки остановились. Они зорко смотрели кругом. Другие поворачивали назад. Их голоса превратились в отрывистый рык, сливавшийся в глухой, басовитый гул. И вдруг сзади прорезал воздух громкий охотничий крик, — и человек двадцать загонщиков выскочили из-за кустов. Стадо разом рванулось вперед и понеслось наискось, к оврагу.

Волчья Ноздря галопом летел впереди всех. С ним почти рядом прыгал через кочки высокий и стройный Ао. Он пронзительно выкрикивал свое собственное имя:

— Ао! Ао!

Поздря визжал и рывкал, как дикий зверь. Зрачки его горели. Он был похож на буйного безумца.

В это время по знаку Тупу-Тупу женщины и дети выскочили из оврага и с визгом бросились наперерез. Матки шарахнулись в сторону, и все стадо стало вливаться в широкую воронку загона. Охотники были уже близко и с криком замыкали облаву.

Олени помчались между двумя заборами. Путь становился теснее. Оленята и матки смыкались в густую кучу. Самцы, как сумасшедшие, напирали сзади. Свирепый рев мужчин и визги женщин лишали их рассудка. В диком ужасе прыгали они друг на друга, давили маток и телят. Передние ряды уже ринулись через узкий проход на плетеную площадку.

Площадка покачнулась и с треском рухнула вниз. Но стадо уже не могло остановиться. Задние продолжали напирать. Матки и оленята кучами валились с обрыва. На самом краю олени вскакивали на дыбы и пытались повернуть назад. Но напиравшие сзади сбивали их вниз и сами валились вслед за ними.

Под обрывом лежали известковые глыбы. Олени падали на них, разбивались насмерть или калечили себе ноги.

Самцы, остановленные давкой, вдруг повернули назад и в отчаянии ринулись обратно. Охотничьи копья не задержали их. Они опрокидывали людей, перепрыгивали через них и мчались дальше. Уцелевшие матки и оленята бросились за ними. В несколько мгновений загон опустел. Вырвавшись

из него, рогачи летели по кустам и кочкам. Ушибленные и опрокинутые люди со стонами поднимались с земли. Старый Фао охал, плевал и растирал ладонями синяки и ссадины от оленьих копыт. Тупу-Тупу скакал на одной ноге и грозил копьём убежавшему стаду. Он был сердит. Большой олень ударил его по больной коленке, и теперь он почти не мог ступить на правую ногу.

ПИР

Большая часть стада вырвалась из загона. Но и без того добыча была чрезмерно велика. Несколько задавленных и искалеченных оленят осталось наверху, в узкой части загона. Калли и Волчья Ноздря осматривали раненых и приканчивали их. Добывая их тяжелыми камнями, они приговаривали ласковые слова и уверяли:

— Не обижайтесь на нас! Вас убили чужие! Люди из племени Лесных Ежей.

Так надо поступать со всяким сильным зверем. У каждого из них, как и у человека, своя тень. Тень ходит с ним рядом. Это—его двойник. В ненастье и ночью тень уходит одна и бродит невидимкой. Она может являться во сне. После смерти тень остается и живет недалеко от мертвого тела. Если человек убит рукою врага, тень убитого преследует убийцу и может жестоко ему отомстить. То же делает тень медведя, кабана, оленя, хуммы и всякого большого зверя.

Поэтому убивший прежде всего должен „заговорить“ и задобрить тень своей жертвы. Лучше всего ее обмануть: уверить, что убийцей был кто-то другой, пришелец из дальней страны, охотник из враждебного племени.

К счастью, тень довольно простовата. Видит она плохо, а может быть и вовсе слепая. Ведь глаз-то у нее нет.

Обман почти всегда удается, если только мертвец не подарит тени своих глаз.

Весь поселок торопился спуститься вниз, к месту кровавой бойни. Первыми примчались подростки. Следом явились охотники. За ними прибежали девушки. Молодые женщины пришли с маленькими детьми и грудными младенцами, запрятанными за пазуху меховых рубах. Позднее приплелись старики и старухи. Но никто не думал приступить к пиру до прихода Матери-матерей.

Каху осмотрела кровавое побоище и пристально стала

вглядываться в заросли ивняка и ольшаника, что росли у самой воды.

Тени убитых оленей прячутся, конечно, в этой густой чаще. Каху стала шептать. Она подняла сухую травинку и бросила ее в воздух. Ветер подхватил ее и понес прямо на север. Каху стала лицом к югу и опять зашептала заклинания. Надо было заговорить недобрые взгляды и отогнать злые слова. Ведь их приносит ветер. Это было общее заклинание оленьих двойников.

Наконец Каху махнула рукой — знак, что можно приступить к еде.

Охотники оттащили более крупных оленей на ровное место и поспешили добить тех, которые еще дышали и шевелились.

Олени были отданы многодетным матерям. К ним присоединились охотники, бывшие в этом году их мужьями, холостые ловцы, дети, подростки и бездетные или имевшие только одного младенца женщины. Старики и старухи присоединились туда, где было меньше едоков.

Мужчины повернули туши оленей ногами вверх и начали вспарывать кожу зверей острыми осколками кремней. Они делали это быстро и ловко, как заправские мясники. Сдирая кожу, охотники продолжали бормотать свои причитания.

Тупу-Тупу вместе с огромным Калли выбрали хорошего оленя. Уже много лет женой Тупу-Тупу была Уамма, а молоденькая Балла целый год считала своим мужем Калли.

Охотники освежевали тушу и вынули внутренности, кроме сердца. Острым кремнем Калли перерезал шейную артерию. Ярkokрасная струя брызнула из толстой жилы и стала заливать дно внутренней полости тела.

Кровь! Что может быть лучше горячей крови? Какое тепло разливается по телу! Сколько сил прибывает от этого напитка! Как радостно сверкают глаза! Как молодеет тело! Каким весельем наполняется сердце! Кто пьет кровь, тот пьет жизнь. Силы врага возрождаются в теле победителя. Охотник и его жертва сливаются воедино. Тень убитого поглощается убийцей и перестает грозить ему мстью.

Первая проба должна принадлежать Матери-матерей. Тупу-Тупу вынул из-за пазухи толстый, изогнутый рог би-

зона и протянул его Каху. Она черпнула им из кровавой лужи и с наслаждением выпила до дна. Потом она возвратила рог Тупу-Тупу и перешла к следующему оленю. Ведь там также первые глотки будут отданы ей.

Пили по очереди все. Маленькие дети размазывали кровь по щекам, подбородку и носу. Даже грудному Лаллу Уамма влила в рот несколько глотков и, когда он заплакал, приложила его к груди.

В это время Уамма заметила трех охотников из селения Красных Лисиц. Они нерешительно стояли в стороне и голодным взглядом поглядывали на едоков. Это были Ао, Улла и Волчья Ноздря. Чужие охотники еще не успели присоединиться ни к кому из пирующих. Уамма поманила их рукой. Калли зачерпнул рогом остатки крови и попотчевал сперва одного, а потом и других. Ао успел быстро оглядеть всю группу. Кроме взрослых, здесь было несколько малышей, высокий Уа и его старшая сестра Канда.

Еще с прошлой весны Канда перешла жить в отдельную землянку, где жили другие девушки.

Как страшен пристальный взгляд чужого! Девушка потупилась и густо покраснела. Горячий румянец залил ее лицо.

Канда была хороша. Ао не мог оторвать от нее загоревшихся глаз, пока она не отвернулась, заслонив лицо руками.

— Пей! — крикнул ему Калли.

Он подносил ему полный рог, и улыбка оскалила его крепкие зубы.

— С нами гонял! С нами пей! Силен будешь, как олень...

Ао засмеялся. Когда он кончил пить, его против воли потянуло опять взглянуть на красивую Канду. Но ее уже не было. Закутав голову меховой накидкой, она торопливо уходила прочь. Кто-то засмеялся, и Канда пустилась бежать. Остальные со смехом продолжали пир. Все до последней капли было выпито из теплого корыта туши. И когда уже рогом нельзя было зачерпнуть в ней никаких новых порций, пирующие обтирали нутро туши руками и облизывали ладони.

Теперь победители принялись за мясо. Калли и Тупу-Тупу каменными ножами вырезывали мякоть вместе с ребрами и раздавали участникам пира. Женщины получали комок мяса величиной с голову ребенка. Каждая из них захватывала его сперва зубами, потом острым кремнем отпиливала порцию перед самым носом. Так же делали подростки и дети. Мужчины-охотники прежде всего набросились на кости

с мозгом внутри. Раньше всего они сгрызали с них мясо и потом крепкими ударами камня разбивали костяные трубки. Там внутри скрывалась нежная масса теплого жирного мозга.

Мозг для них был больше, чем простое лакомство. В мозге все способности побежденного оленя. Победитель недаром поедает мозг. Вместе с мозгом он овладевает и крепостью его ног, быстротой его бега, умением ходить по болотам, его неутомимостью, искусством издали узнавать врага и находить верную дорогу и днем и ночью.

Удивительно, сколько мог съесть человек каменного века в один присест! Он мог голодать по несколько суток. Но зато, когда мяса было вдоволь, он пожирал его целые горы. Жители поселка Чернобурых и их гости из селения Красных Лисиц пировали до заката солнца. Они глотали сырую, теплую плоть оленей, пока веки их не начинали тяжелеть. У Волчьей Ноздри изо рта вырывалась мучительная икота. Он еле дополз до реки, чтобы напиться воды и остановить судороги желудка. И тут же в кустах, неподалеку от обглоданных костей и брошенных кишок, его одолел глубокий, непреоборимый сон.

Пирующие, шатаясь как пьяные, разбрелись по землянкам. Некоторые остались отдыхать на том же месте среди брошенных внутренностей и распластанных на земле шкур.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРАЗДНИК

Среди ночевщиков не было товарищей Волчьей Ноздри—Ао и Уллы. Еще в самом разгаре пира к ним подошла Каху. Она остановилась у того места, где они сидели. Каху была весела. Глаза ее улыбались. Несколько раз она пошевелила волосатыми губами, как бы силясь что-то сказать и не находя слов. Вдруг она ткнула в грудь сперва Уллу, потом Ао, беззвучно засмеялась и пошла дальше. Потом вернулась и оскалила кривые передние зубы.

— Зови Красных Лисиц!—сказала она.— Еды много. Вон сколько! Зверям достанется! Песцам и тому, кто любит мед. Зови своих! Вместе гоняли—вместе есть!..

Она опять ослабилась, смеясь замахнулась на Ао клюшкой и заковыляла дальше.

Через минуту оба приятеля, захватив в дорогу по добром куску мяса, пустились в путь. Пробираясь среди пирующих, им пришлось проходить мимо девушек. Когда Ао

и Улла поровнялись с ними, девичий разговор сразу умолк. Девушки смотрели на молодых людей, подталкивали друг друга локтями и смеялись.

Одна только Канда не смеялась. Как только Ао встретился с ней глазами, она сейчас же повернулась к нему боком и прикрыла лицо ладонью, как при первой встрече.

Сделав несколько шагов, Ао оглянулся, чтобы еще раз взглянуть на Канду. Среди всех он видел только ее; он видел, как она приподняла ладонь и следила за ним глазами.

— Вот девушка! — сказал Ао, хватая Уллу за плечо.

Оба приятеля еще раз оглянулись. И только у самого поворота закинули за спину мешки с мясом и весело зашагали по тропинке вдоль берега Большой реки. Легкие, как лани, длинноногие и сухие, они шли молодым и упругим шагом. Таким шагом могли они двигаться с изумительной быстротой.

Солнце начинало склоняться к вечеру. Они завернули за мыс возле брода хуммов. Здесь они заметно убавили прыти, озабоченно вглядываясь туда, где за кустами скрывалось страшное жильё. И в тот самый момент, когда они со страхом поглядывали вверх, неожиданный звук за спиной заставил их вздрогнуть.

В чаще кустов стоял лохматый толстяк с накинутой на плечи рысей шкурой. Это был сам Куолу.

— Ха! — сказал он. — Красные Лисицы!

Оба охотника со страхом попятились назад. Потом они вытащили из мешков по большому куску оленины и положили на кучу камней — обещанный дар.

— Вот! — прошептал Ао.

— Сказали — принесем, вот и принесли. Это тебе!

— Где достали?

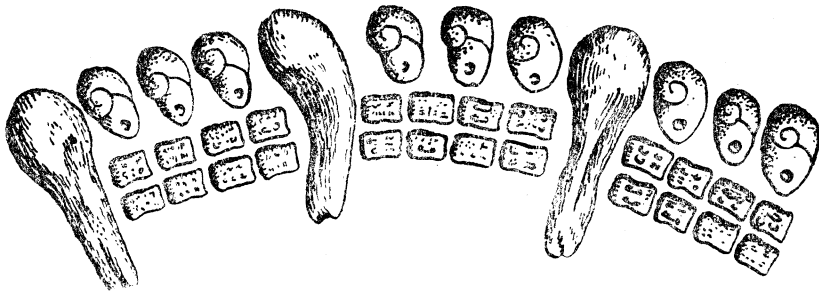
— С Чернобурыми загнали. Много оленей! Очень много!

— Ха! — засмеялся Куолу. — Скажи им: это Куолу послал оленей!

Левый глаз его хитро шурился, а правый смотрел гордо и как будто поверх собеседников. Охотники тревожно глядели на могущественного колдуна.

Вот человек! Кто может сделать то, что Куолу? Улла раскрыл рот от искреннего преклонения и восторга.

— Идите! — сказал Куолу. — Всегда надо дарить Куолу. Куолу возьмет мясо — Куолу пошлет охоту.

Прятели закинули за спины опустевшие мешки и бодро зашагали дальше. Колдун долго смотрел им вслед своим прищуренным глазом. Когда они скрылись из виду, он приложил ладони к губам и громко свистнул. Из землянки показалась женская голова. Куолу поманил ее рукой. Женщина вылезла наружу и стала торопливо спускаться. Это была толстая маленькая женщина в меховой безрукавке, босая и простоволосая. На шее у нее брякало костяное ожерелье, а подол короткого платья был обшит бахромой из беличьих хвостов и птичьих перьев.

Это была Иза. Когда-то она была первая красавица в поселке Серых Медведей. Теперь она постарела и обрюзгла. На ходу она качалась, как утка, но это не мешало ей ловко преодолевать все трудные повороты и крутые спуски.

— Возьми! — скомандовал Куолу, указывая на мясо.

Иза послушно взяла куски и засемила назад к землянке.

ОПЯТЬ КУОЛУ

Три дня продолжался пир победителей. После долгого поста люди с жадностью глотали мясо. Еда начиналась с утра и тянулась до вечера. На другой день начали прибывать люди из племени Красных Лисиц.

Первыми пришли охотники и старшие подростки. Девушки и дети немного позднее. После всех доплелись матери с грудными ребятами, под охраной более сильных стариков. Старухи и слабые старики не пришли. Они остались дома и ждали, когда им принесут остатки еды.

За ночь трупы остыли и потому сырого мяса уже никто не ел. На берегу горели костры. Женщины раскладывали на угольях нарезанные ломти или вертели над огнем большие куски, надетые на палки. К вечеру второго дня Чернобурые

настолько были сыты, что ели уже лениво. Больше лежали около костров, черпали воду из реки берестяными черпалками и пили медленными глотками. Зато Красные Лисицы торопились наверстать упущенное.

Гонцы Ао и Улла не стали есть со своими. Они направились прямо к оленю Уаммы и Баллы. Их встретили веселыми криками приветов. Глаза Ао прежде всего искали Канду. Она сидела на этот раз не с матерью, а недалеко, вместе с другими девушками, возле тушки маленького олененка. Канда улыбнулась при виде молодых охотников. Глаза ее блестели, а на лице пылал яркий румянец.

От солнца с южной стороны побежала по реке золотая дорожка. Был полдень, когда из-за кустов внезапно появился рядом с крайним костром Уаммы волосатый человек. Он был в меховой безрукавке, в меховых штанах, с сумкой и коротким копьём в руке. Тупу-Тупу первый узнал его:

— Куолу!

Все заволновались. Что ему нужно? Куолу боялись, его никто не любил. Да и за что было любить? Он был „юсора“, колдун. На что ни взглянет, все ему надо.

— Я — „юсора“! Что захочу, то и сделаю! Захочу — пошлю удачу; захочу — огненную болезнь!

Впрочем, наше слово „колдун“ не совсем передает слово „юсора“.

Что такое колдун для людей, живших в это отдалённое время? Колдовали тогда все. Колдовал каждый охотник, заклиная словами, обрядами и танцами дичь, которой он хотел овладеть. Колдовала Мать-матерей, охраняя заговорами жизнь и благополучие своего поселка. Колдовала каждая мать, оберегая здоровье своих детей. Но их не называли колдунами. Их действия и слова имели в виду общее благо племени или рода. Матери бормотали заговоры у порога своих землянок, чтобы защитить ее от беды.

Другое дело колдун — „юсора“. Он был отщепенец. Он жил вне рода, вне общины. Цель его колдовства была корыстна. До общины ему не было дела. Он хотел одного: запугать, отуманить, навести ужас на соседей, чтобы заставить их себе служить. Даже если он жил в поселке, он был один против всех и сам по себе. Магические действия его устрашали темную мысль дикарей и подчиняли их его воле. Детское легкоеверие помогало ему этого достигнуть, и он легко держал их в руках, чтобы жить дармоедом и питаться.

на чужой счет. Он пугал, потому что на страхе окружающих строил свое могущество и свое благополучие паразита.

Таков был Куолу.

Поклонение кружило ему голову. Он привык брать все, что ему нравится. Отчего не брать, если дают? Куолу брал не только еду, но и украшения, одежду, оружие и разные вещи. Не раз случалось, что он подстерегал в лесу или возле реки молодых женщин и девушек и уводил их силой в свою землянку. Он запугивал их своими кривляниями и угрозами напустить на них смерть. Кроме старой Изы, он держал у себя молодых жен и заставлял их работать.

Все вскочили на ноги, когда он подошел к Уамме. Жадно разглядывая распластанную на земле тушу, колдун молча стал у костра. Ни приветов, ни ласковой улыбки! Людей, к которым он пришел, он считал недостойными своего внимания.

— Мяса! — бросил он свысока, сел на камень и чванно развалился.

— Куолу послал оленей! — прибавил он, когда Уамма, надев на острую палку свежий кусок мяса, начала обжаривать его на углях.

Волнение быстро разлетелось по лагерю. Люди переставали есть. Все робко смотрели на колдуна. Те, кто его особенно боялся, отходили подальше. Иные знали, что Куолу на них сердится. Другие — просто из осторожности. Матери подзывали к себе ребят и сажали их так, чтобы заслонить их от опасных взглядов. Некоторые из молодых матерей подхватили ползающих малышей и, прижимая их к себе, быстро удалились в свои землянки.

Сама Каху, сидя в отдалении у костра стариков, очертила около себя охраняющий круг и зашептала магические слова. Куолу зорко оглядел лагерь и самодовольно усмехнулся.

— Боятся! Чего боятся? В гости пришел!..

Насмешливая гримаса скривила его губы. Он сидел как раз против Ао. Приземистый, с крепкими плечами, с длинными, цепкими волосатыми руками, он в свое время был, вероятно, очень силен. Но заплывшая шея, толстые щеки и сиплое дыхание указывали на то, что сытая, ленивая жизнь уже наложила на него неизгладимую печать. Бороду и усы он выщипывал, и только несколько седых щетин торчало у него на подбородке. Но длинные кудрявые волосы

на голове были еще черны. И, казалось, целая, плотная копна спутанной шерсти шапкой надвигалась ему на лоб. Целых три ожерелья спускалось на его грудь. Одно было сшито из белых песцовых хвостов, другое — из просверленных молодых зеленых шишечек ели, третье — из раковин речных ракушек.

Вдруг он оглянулся и увидел сидевших недалеко молоденьких девушек. Безусый рот его осклабился в улыбку, а глаза заблестели из-под нависших бровей.

— Ха! — засмеялся он вдруг грубым смехом.

Он сделал движение, как будто хотел встать. Но в это время Уамма подала ему на палке большой кусок обжаренного мяса. Куолу протянул руку, понюхал кусок и вдруг вцепился в мясо крепкими зубами. Жадность была сильнее всех остальных его чувств. Пока он жевал, чавкая, горячую оленину, еще красную и сочную внутри, Уамма бросила тревожный взгляд на Канду. Покосившись выразительно на колдуна, она помахала рукой, делая знаки, чтобы она удалилась.

Девушки вскочили и потащили за собой застыдившуюся Канду.

Колдун заметил это и нахмурил брови.

— Зачем махала? — с досадой сказал он. — Не съем!..

Девушки боязливо оглядывались на ходу. Дойдя до устья оврага, свернули в него и бегом пустились к землянкам поселка.

Куолу ел кусок за куском. Уамма едва успевала поджаривать ему новые порции. С тех пор, как скрылись девушки, он не обращал больше ни на кого внимания. Каза-

лось, он весь ушел в еду. Вокруг него лагерь продолжал понемногу пустеть.

Люди один за другим поднимались со своих мест и исчезали. Некоторые заходили в кусты и прятались в их чаще. Другие скрывались за крупные известковые глыбы и потом, пригнувшись, ползком пробирались к оврагу.

Куолу, казалось, не замечал этого или делал вид, что не замечает. Вдруг он икнул, бросил недоеденный кусок и поднялся с камня.

— Сят! — сказал он и еще раз громко икнул.

Он снял висевший у него за плечами меховой мешок и протянул Уамме. Тупу-Тупу всунул в мешок задний окорок оленя. Куолу закинул мешок за спину, побряхтел и вдруг внимательно стал разглядывать Баллу. Молодая женщина смутилась и стала медленно пятиться к кустам.

Колдун опять нахмурил брови.

— Подойди! — рявкнул он.

Балла ни жива-ни мертва подошла ближе. Колдун указал рукой на ее перламутровое ожерелье. Балла послушно сняла его и протянула колдуну.

Колдун брякнул ожерельем и надел на шею.

— Хорошо будет? — спросил он Баллу, громко засмеялся и зашагал по тропинке, откуда пришел.

Люди провожали его молчаливым взглядом, пока коренастая фигура его не скрылась за береговыми кустами. Долго еще пирующие сидели молча и никак не могли притти в себя. Всем было и тяжело и жутко. Наконец, Каху подымила веткой можжевельника в ту сторону, куда ушел колдун.

— Ушел, — сказала она. — Ешьте и пейте! Теперь не вернется!

Все вздохнули с облегчением. Но прежнего веселья больше уже не было.

ВУРР

К вечеру начал накрапывать дождь. Тучи бежали с северо-запада и несли с собой сырость и холод. Гости и хозяева поселка разбрелись ночевать по землянкам. Старики улеглись поближе к жаркому очагу, где неугасимо пылал Родовой огонь племени.

На четвертый день стали прятать остатки добычи в глубине оврага.

В этот год зима была вьюжная. В овраге все еще таяли остатки снега. Навалило столько сугробов, что в конце зимы весь овраг был засыпан почти доверху.

Весь день мужчины снимали шкуры, потрошили оленей и на длинных жердях переносили приготовленные туши с отрубленными ногами в снег. Всех оленей перенести все-таки не смогли. Пять и еще пять остались лежать на берегу. Когда солнце зашло, холодный туман, поднявшись от реки, покрыл берега и всю низкую пойму. Впрочем, и днем было так холодно, что мясо было еще совершенно свежее.

Как только ушли люди, сейчас же из кустов начали появляться песцы. В летних шкурках они были мало пушисты и потому казались гораздо меньше, чем зимой. Они были похожи на маленьких тонконогих собачек.

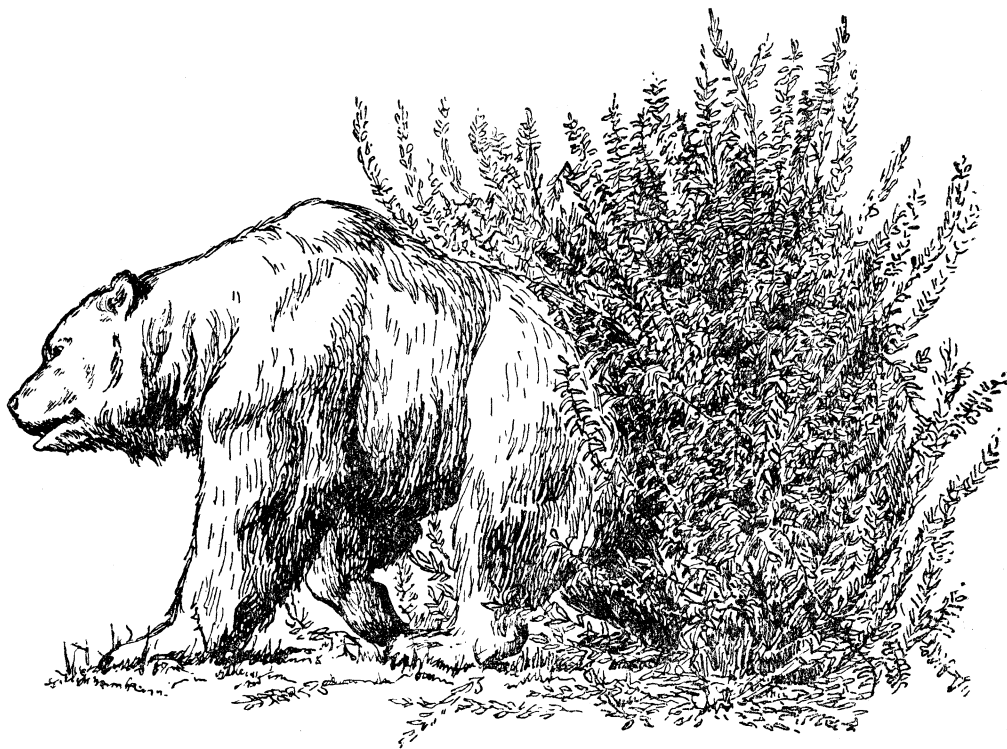
Осмотревшись подозрительно кругом, песцы принялись за сытную еду. Целых оленей они не трогаи, но с удовольствием подбирали недоеденные куски, грызли разбитые камнем кости и по самые уши втыкали морды в мягкие кучи внутренностей и пахучих кишок.

Утром поселок проснулся, когда яркие лучи солнца разогнали тяжелый полог тумана. Гости и хозяева один за другим выползали из душных землянок и отсырелых за ночь шалашей. Начинался новый день, сытный и праздный. Люди собирались закончить пир веселыми играми молодежи. Мальчики-подростки разбрелись по кустам на другой стороне оврага. Все были сыты и счастливы. Вдруг раздался пронзительный крик. Дети собрались в стайку и стремглав бросились к поселку, продолжая неистово кричать. В становище поднялась страшная суматоха. Все, кто еще спал в землянках, были разбужены. Женщины выскакивали наружу. В первую минуту никто ничего не мог понять. Все кричали и визжали, как безумные. Мужчины возвращались в жилье, брались за оружие и тревожно оглядывались во все стороны. Но большинство не знало, в чем дело. Наконец, все разъяснилось.

Прибежавшие мальчики на все лады выкрикивали только одно слово:

— Вурр! Вурр! Вурр!

Они оглядывались и тыкали пальцами в кусты, где в это время из-за зарослей ивняка показалось мохнатое туловище. Это был серый медведь, тяжелый и неуклюжий житель лесов и гор ледникового времени. Он шел потихоньку, с перевальцем, покачивая головой и угрюмо насупив брови. Как только

он поравнялся с землянками, людской крик сделался еще оглушительнее. Кричали все. Кричали женщины и старухи; кричали старики и дети; громовыми голосами орали мужчины. Они потрясали дротиками и махали палками и камнями, зажатыми в кулаки. Круглые булыжники и плоские осколки кремней тучами полетели через овраг и шлепались в землю вокруг насторожившегося зверя.

Медведь повернул голову и глухо охнул. Он терпеть не мог людского крика. Не нравился ему и запах поселка, горькая гарь костров, едкий дух людского пота и грязи. К тому же он был сыт. Там на берегу, распугав стаю песцов, он наелся доотвалу потрохами оленей, да еще закопал себе впрок в кустах два большие трупы. Глядя на поселок и на мечущихся людей, он досадливо махал головой, как будто отбиваясь от рассерженных пчел.

В это время из толпы выскочил Волчья Ноздря, самый сильный охотник поселка Красных Лисиц. С диким криком стал он спускаться в овраг, размахивая над головой толстым копьём. Прыгая на своих коротких и кривых ногах, он сам

рявкали, как дикий зверь. Длинные космы его волос поднимались дыбом, и от этого он казался еще страшнее. За Волчьей Ноздрей двинулись остальные. Женщины и дети завизжали еще громче.

Медведь оглянулся на вооруженных людей. В это самое время Ао выбежал из мужского дома с горящей веткой сосны. Он подбежал к краю обрыва, с силой перекинул на ту сторону окутанный дымом сук и вихрем помчался догонять товарищей.

Когда первый ряд атакующих с Волчьей Ноздрей во главе взобрался на противоположный берег оврага, все увидели, что медведь был уже далеко. Со страху он мчался огромными прыжками, вскидывая куцый и толстый зад, и с быстротой испуганной лошади перескакивал через кусты и болотные кочки.

ИГРЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Охотники с хохотом возвращались домой. Они почти не могли ничего толком сказать. Волчья Ноздря только гоготал и взвизгивал. Он потрясал своей страшной бородою и разевал зубастую пасть. Выразительно взмахивая руками и оглядываясь назад, другие мужчины протягивали руки в ту сторону, куда убежал медведь. Все кричали, не слушая друг друга, а громче всех заливался раскатистый бас Уллы. Торжествуя победу, они рассказывали о том, как смешно скакал лохматый зверь через кусты, как он улепетывал от огненной палки Ао.

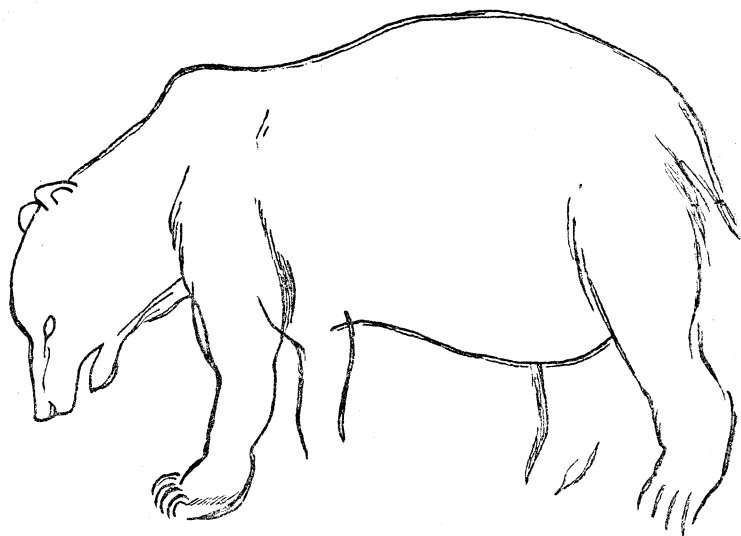
Художник Фао тоже не утерпел и принял участие в атаке. Возвращаясь домой, он шел рядом с Уа. Заливаясь смехом и повторяя слово в слово все, что говорил Фао, Уа добавил:

— Эах — трус! Эах побежал, как заяц.

Он хотел сказать еще что-то, как вдруг Фао зажал ему левой рукой рот, а правой больно ударил по плечу.

— Молчи! Нельзя! — хрипел он, сжимая ему челюсти. — Нельзя называть. Услышит — придет ночью! В лес унесет!..

Все кругом разом перестали смеяться и сердито глядели на Уа. Некоторые трусливо оглядывались назад. Другие торопились описать вокруг себя круг острием дротика. Третьи замахивались на Уа и даже толкали его кулаками в спину. Уа был обескуражен. Он знал, что сделал непозволительную неосторожность. Ему много раз говорили об этом.

Жители берегов Большой реки твердо верили в магическую силу слов. Если назвать громко имя зверя, он непременно встретится в скором времени где-нибудь на пути. Если он велик и страшен, лучше не произносить его имя. В крайнем случае его можно назвать только шопотом на ухо собеседнику, прикрыв рот ладонью. Слово может подхватить ветер. Ветер унесет его далеко, как уносит с собой пух одуванчика или семена ивы.

Кто знает, не долетит ли оно до ушей хозяина? А тогда... хозяин может явиться сам, чтобы узнать, кто его назвал. Поэтому лучше всего говорить про зверя как-нибудь описательно, чтобы он не мог догадаться, о ком говорят.

Настоящее имя медведя было «зах». Но вслух говорили вместо этого: «вурр». Это было лишь звукоподражание. Так зах ворчит, когда лежит в берлоге и лижет лапу. Звали медведя „лохматым“ или „кто любит мед“, или „кто лижет лапу“. Про волка говорили: „кто воет зимой“; про гигантского оленя: „кто бесится осенью“. Слово „хумма“ также изображало громкое дыхание мамонта и было не настоящим его именем. Чем сильнее зверь, тем страшнее его накликают. Матери с раннего детства внушали это своим ребятам шлепками и угрозами. Это было основное правило охотничьей мудрости. Впрочем, если во-время спохватиться, дело еще можно поправить. И Фао сейчас же постарался это сделать. Он наклонился и что-то шепнул Уа на ухо. Уа кивнул головой.

— Это не Уа тебя звал, — сказал он, обернувшись лицом к болоту. — Звал тебя мальчик из племени Окуней.

— Вот, — сказал Фао. — Пускай себе пойдет к Окуням. Пускай поищет!

Все засмеялись. Через минуту охотники уже вылезли из оврага и вступили в поселок. Здесь было шумно и весело. Женщины с гордостью встречали своих защитников. Дети прыгали и суетились. Девушки визжали. Канда то кружилась, то бегала вокруг землянки и на-бегу всплескивала смуглыми руками.

Радость жителей поселка была так велика, что никто не мог устоять на месте. Ноги приплясывали сами собой. И вот без уговору составилась огромный хоровод, и людской круг завертелся на лужайке.

Крики и хохот перешли в веселую песню про глупого вурра. В хоровод втокнули Волчью Ноздю. На него со смехом накинули медвежью шкуру. Теперь он должен был изображать самого „страшного заха“. Ноздря сейчас же вошел в свою „зверскую“ роль. „Медведь“ с ревом бросался на девушек и женщин, а те с визгом разбежались во все стороны, прячась за кусты и за летние шалаши. Актер вскоре перестал быть актером. Он в самом деле чувствовал себя медведем. Да и все окружающие тоже.

Дети плакали от страха и прятались в землянки. Молодые матери прижимали к себе малышей и с неменьшим страхом смотрели из-за кустов на то, что происходило на лужайке.

В это время, подпрыгивая на одной ноге, приковылял к хороводу Тупу-Тупу. Он махал вокруг себя выхваченным из огня можжевельником. Волосы на его голове были связаны таким же пучком, как у Ао.

Тупу-Тупу зашел со стороны ветра, чтобы искры и пахучий дым летели на „зверя“. Оглушительный хохот раздался на поляне, когда Волчья Ноздря стал на четвереньки и уморительно побежал от него по-медвежьки к опушке леса.

Так начался день веселых весенних игр. Сначала играли в медведя, в охоту на разных зверей и птиц. Потом два охотника — Суоми и Хоху — с деревянными рогами на голове плясали буйную пляску дерущихся зубров. Они бодались, толкались и ревели друг на друга, подражая реву лесных быков.

Под конец долго играли в ловлю оленей. Мужчины были охотниками, женщины — дичью. Игра состояла в том, чтобы

от лесной опушки загнать „олений“ в „загон“, т. е. в промежуток между двумя землянками. „Олени“ старались убежать как можно дальше, в лес; „охотники“ бегали вслед за ними и гнали их к условному месту.

В лесу уже темнело, когда отряд молодежи, в котором находились Ао и Улла, выследил между кустами кучку спрятавшихся девушек и женщин. Охотники стали заходить с тылу, чтобы отрезать свою „дичь“ от леса. Женщины заметили их и с визгом бросились во все стороны. Ао больше других увлекался игрою и бегал быстрее всех. Один раз ему пришлось забраться в глубину леса, чтобы перехватить путь убегающим „оленям“. Там он остановился в лесной чаще и замер в ожидании.

Вдруг слух его поразил страшный крик. Ао оглянулся и вправо от себя, за кустами, увидел, как стройная девушка с плачем отбивалась от лохматого толстого мужчины. Девушка вырвалась из волосатых рук и, как ветер, помчалась к поляне. Ао узнал Канду...

— Уамма! Уамма! — кричала она с ужасом.

Кровь бросилась в голову Ао. В бешенстве ринулся он наперерез преследователю.

И прежде чем тот успел сообразить, что надо сделать, Ао сунул ему под ноги копьё. Толстяк с разбегу тяжело рухнулся на землю.

Ао схватил выпавшее было из рук копьё и с силой ударил им своего врага, когда тот пытался подняться. Наконец противник Ао вскочил на ноги и с криком бросился бежать от разъяренного охотника.

— А! Ой! — кричал он. — Куолу убивают! Куолу!..

— Куолу? Откуда он взялся?

Тут только Ао сообразил, на кого напал он в сумраке леса.

Но вместо страха перед колдуном, в нем kloкотало только бешеное желание еще и еще раз сразиться с обидчиком Канды. Да и как можно бояться врага, когда он в ужасе бежит прочь.

С неожиданной быстротой Куолу промчался через кусты к береговому обрыву и кубарем скатился вниз по крутому склону. Ао остановился на краю и сверху погрозил убегающему.

— Выдра! — злобно крикнул он ему вслед самое презрительное слово, потрясая копьём в воздухе.

ЧТО СНИЛОСЬ АО

В эту ночь Ао долго не мог уснуть. Ему казалось, что горячий уголь вылетел из костра и попал ему в грудь. Там что-то загорелось и жжет его огнем. В ушах все еще раздавался отчаянный крик Канды:

— Уамма! Уамма!

Кровь кипела в нем, когда он вспоминал Куолу, его звериный вой, погоню за Кандой и свою неожиданную с ним схватку. Узнал ли его колдун в вечернем сумраке леса?..

В его мозгу вспыхивали и гасли искры. Слов у него не было. Одно слово заменяло ему все: Канда!

Поздно забылся он тяжелой, беспокойной дремотой. В землянке было душно и тесно. Вместе с Чернобурыми спали двадцать гостей — охотники Красных Лисиц. Лежали все вповалку на оленьих мехах. Люди дышали, храпели, бормотали во сне. Чад от угасающего костра смешивался с теплым и тяжелым запахом спящих.

Под утро ему приснилась Канда. Он видел, будто она сидит в овраге около ручья и мочит в воде свои стройные ноги. Сидит так беспечно и не знает, что сейчас придет Куолу и уведет ее.

Ао должен ее спасти. Ему нужно только подойти и погладить ее по голове. Но нужно сделать это с орее, скорее. А то будет поздно. Вот он уже спускается в овраг. Он торопится, бежит, он уже близко. Ао хочет приблизиться к ней, но в этот момент огромный, лохматый носорог выскакивает из-за кустов и становится между ними...

Носорог смотрит на него зловеще, становится на дыбы и — превращается в вурра. Медведь идет ему навстречу. Глаза у него хитрые и злые, как у Куолу. Ао хочет бежать и не может. Ноги будто связаны. А медведь все ближе и ближе...

Ао крикнул и проснулся. Весь он обливался потом, а сердце его стучало, как у птицы, зажатой в кулак.

— Куолу! Это был Куолу!

И вчерашний медведь, которого он прогнал горячей палкой, значит тоже не кто иной, как оборотень и колдун.

Ао сделал усилие и сел на меховой постели. Дышать было тяжело. Кто-то ночью закрыл для тепла отдушину. От этого в землянке еще больше сгустился запах потных тел,

чад от углей и едкий дух сырых кож, содранных с убитых оленей.

Ао на коленях подполз к выходной дыре, отодвинул заслонку и вылез наружу. Здесь он ободрился, и ночные страхи разлетелись, словно подхваченные ветром клочья дыма.

— А, старая выдра!— шептал он.— Это ты приходил, высматривал Канду. погоди! Огня ты все-таки боишься...

Ао пощупал „кабаний клык“, который был пришит у него на груди. Этот амулет дала ему мать. Уже не раз он приносил ему удачу и спасал от смерти.

Солнце еще не всходило, но было где-то близко за белым пологом тумана. Оттуда уже сияли его лучи и обливали золотым блеском светлые края облаков.

Ао вздохнул полной грудью. Крепкая молодая радость была в нем веселым ключом. Жажда томила его. Пить жители поселка ходили на дно оврага. Ао сбежал вниз и стал черпать горстью студеную воду.

Вдруг он повернул голову и остолбенел... Немного ниже по течению полускрытая глыбой известняка сидела Канда.

Как он мог ее не заметить? Она сидела на камне спиной к нему и мочила в воде свои ноги. Короткая безрукавка прикрывала ее стан. Сон и явь смешались в сознании Ао. Он не знал, где кончалось одно и где начиналось другое. Он зорко огляделся. Нигде не было ни носорога, ни медведя.

— Канда!— позвал тихонько Ао.

Девушка не оборачивалась. Было видно, что она давно его заметила и нарочно сидит отвернувшись. Она не уходила,— значит, ждала. В несколько прыжков Ао очутился около и сел рядом на тот же камень.

— Канда!— сказал он еще тише.— Ао прогнал Куолу. Не бойся! Ни вурра, ни Куолу. Никого не бойся! Ао не даст!

Пока он говорил, Канда все ниже и ниже клонила голову к коленям. Лицо ее пылало и кровь заливала ее щеки, шею и плечи.

ЛЕСНЫЕ СВАДЬБЫ

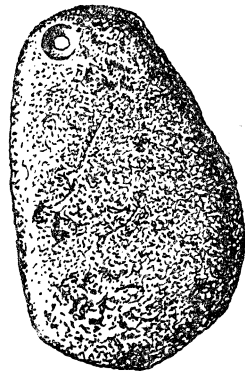
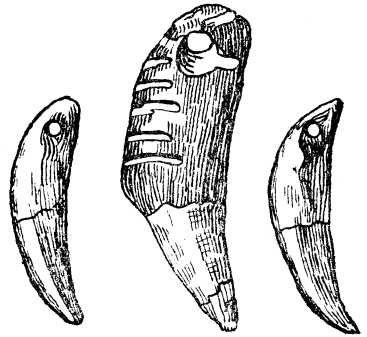
С утра девушки начали готовиться к играм. Из мешков и сумок вытаскивали лучшие наряды и украшения: летние безрукавки, расшитые разноцветными мехами, красивые ожерелья из раковинок и молоденьких хвойных шишек, бахрому из хвостов маленьких зверков и из птичьих перьев

Те, кому очень хотелось казаться покрасивее, привешивали к ушам костяные подвески. Другие румянили щеки оранжевой охрой или проводили красные полоски на лбу и на плечах.

Некрасивая Цакку нацепила на подбородок блестящий перламутровый кружок, вырезанный из раковины речной двустворки. Уже давно для этой цели в нижней губе ее были сделаны две дырки. А чтобы они не зарастали, в них продернут шнурочек, свитый из крепких волокон подорожника. В первое время губа болела, нарывала и гноилась. Было так больно, что Цакку потихоньку плакала. Но зато, когда ранка зажила, она с гордостью поглядывала на своих подруг, у которых нехватало смелости сделать себе такую операцию. Ее круглое лицо сияло счастьем, когда она вышла на игры с драгоценным перламутром на подбородке. Она считала себя теперь первой красавицей поселка.

Меньше всего украшений было на Канде и на Балле. Обе они знали, что хороши и без румян.

Игры происходили на лесной поляне, недалеко от поселка. После игр Канда привела за руку своего жениха к шалашу, который каждая девушка начинала строить, как только становилась невестой. Вслед за Кандой стали возвращаться и другие пары. Молодожены сейчас же принялись поправлять и расширять свои весенние гнезда. Почти все девушки нашли себе мужей из рода Красных Лисиц или из других поселков. Только тихонькой Ши нехватило жениха. Ей очень хотелось, чтобы Ао погнался за ней, когда она бежала прятаться в кустах.

Но вышло так, что Ао стал ловить не ее. Он побежал через всю поляну в чащу, куда умчалась Канда.

Ши пришла из лесу поздно и с заплаканными глазами. Зато перламутровый кружочек Цакку оправдал себя в полной мере. Волчья Ноздря — лучший охотник Красных Лисиц, рыжий и волосатый, — был так ослеплен блеском и игрой перламутра, что покорно позволил привести себя к ее брачному шалашу.

Привели новых мужей и некоторые из молодых матерей. Красивая Балла вернулась из лесу рука об руку с молодым Уллой. Более пожилые матери не ходили на игры. Уамма была вполне довольна своим хромоногим Тупу-Тупу. Уже много лет они были верными друзьями. Тупу-Тупу был смешной и бойкий весельчак, а Уамма любила, когда ее смешили. Оба они так привыкли друг к другу, что им и в голову не приходило думать о каких-нибудь переменах.

Когда великан Калли увидел, как Улла и Балла хлопчут около своего гнезда, он нахмурился и издали долго наблюдал за их работой. Потом махнул рукой, поднял сухую ветку и переломил ее пополам. Обе половинки он бросил в овраг и молча ушел в землянку охотников.

ИСПЫТАНИЕ УА

В землянке пылал огонь. Около очага сидели старики и старшие охотники. Перед ними стоял голый Уа и быстро вращал ладонями заостренную палку. Нижний конец ее был вставлен в дыру, выдолбленную в сухой деревяшке. Палка вертелась, как веретено. От трения обложенный сухим трутом конец ее обуглился и начал чадить. Пахучий дымок серым червячком поднимался из дырки. Старшие серьезно и деловито следили за руками Уа. Пот градом катился по его лицу. Мокрая спина блестела от горячей испарины.

Дым понемногу усиливался. Уа припал ничком к своей деревянной „зажигалке“ и начал раздувать показавшуюся искру. Он прикрыл ее сухой травой и продолжал дуть в нее изо всех сил. Лицо его покраснелось, а щеки надулись, как пузыри. Наконец, трава загорелась, и юноша стал подбрасывать в огонь тонкие прутики сухого можжевельника. Огонь лизнул их. Через несколько мгновений пламя уже весело запрыгало и стало пожирать более толстые сучья.

— Хо! — сказали старики.

Это слово говорилось одинаково, когда нужно было сказать „много“ и когда нужно было сказать „хорошо“.

Тупу-Тупу сидел в сторонке на куче оленьих шкур и смеялся. Он еще с утра привел к старикам сына Уаммы и пригнул его голову так низко, что он ничком упал перед Очагом племени. Это означало, что он просит принять сына Уаммы в разряд охотников.

Старик Фао похлопал Уа по спине, взял его за руку и повел к выходу. Все вышли за ними. На лужайке позади землянок уже дожидались семь старших охотников с оружием в руках.

Чтобы стать охотником, недостаточно отрастить волоски на верхней губе. Нужно выдержать испытание. Нужно доказать, что можешь быть мужчиной.

Испытания начались. Уа должен был показать, как быстро он бежит, как высоко прыгает, как ловко взбирается на деревья.

Потом начались испытания с копьем. Как далеко полетит копье из рук Уа? Как метко попадает оно в цель? С какой силой пробивает сухую оленью шкуру?

В те времена люди еще не знали лука и стрел. Это замечательное изобретение перевернуло старые способы войны и охоты. Это было много позднее. А в эпоху, когда жили наши герои, высшим достижением техники было умение метко кидать копье. Это было трудное искусство. Но сын Уаммы недаром целый год упражнялся. Перед стариками и старшими охотниками он показал такую силу и ловкость, что ему мог бы позавидовать храбрейший из охотников.

Но и одного умения владеть оружием все еще было мало. Нужно было знать, как поправить сломавшееся копье, как вставить обратно выпавшее острие кремня и прочно закрепить его в верхнем расщепе древка.

Всем этим искусством Уа уже владел в совершенстве, и судьи остались довольны.

Калли пришел, когда все собрались в охотничьем доме, чтобы перейти к последним испытаниям: показать свою выносливость и терпение. Юношу заставляли долго держать на вытянутой руке тяжелый камень. Его хлестали гибким прутом по голой спине. Его щипали, ему крутили пальцами кожу на животе. Наконец, ему приложили к телу раскаленный на углях кремень, и он должен был, не охнув, дожидаться, пока он остынет. Уа и здесь показал себя настоящим молодцом. Сильное желание стать мужчиной помогло ему стойко перенести все муки.

Экзамен на героя был сдан. Старики вместе с Тупу-Тупу пришли в материнскую землянку Уаммы. Они перенесли в дом охотников вещи Уа: его постель, одежду, его мешки и оружие, которое он себе сделал.

Уамма неожиданно для себя всплакнула. Она все еще считала его маленьким. И вдруг — он уже охотник. Остальные женщины весело тараторили. Младшие братья и товарищи глядели на него с восторгом и завистью.

Вечером опять на лужайке плясал хоровод в честь молодоженов и молодого охотника Уа. Только ночь разогнала всех по домам.

Когда поселок затих, огромный и тяжелый Калли вышел из охотничьей землянки. Он осмотрелся кругом и медленно

зашагал вдоль оврага. На самом краю обрыва сидела одинокая Ши. Весь вечер она провела одна. Она не принимала участия в танцах. И теперь еще глаза ее щипало от слез. Она глядела пригорюнившись вдаль и как будто не замечала, как густеют сумерки и наступает ночь.

Калли издали заметил ее. Неслышно подошел он к ней и уселся рядом. Обоим не хотелось говорить. Они даже не смотрели друг на друга. Калли молча накрыл широкой ладонью маленькую руку Ши. Так сидели они до поздней ночи.

ЗАГОВОР ПРОТИВ КРАСНЫХ

Куолу еле живой дотащился до дому. Рана была не глубока, но колдун потерял много крови. У самого дома Иза и другие женщины нашли его на земле и перенесли в землянку. Колдун провалялся целый день. Иза прикладывала к больному месту листья чемерицы. Рана перестала кровоточить.

Землянка Куолу была похожа на землянки других жителей Большой реки, только поменьше. В береговой круче он выкопал неправильной формы округлую яму. Сверху прикрыл ее конусообразной связкой жердей. В крыше проделал дымовую дыру. Другая дыра, пошире, со стороны реки, служила дверью.

Стены внутри обвешаны были мехами зверей, пучками растений, рогами оленей, лосей. Несколько лошадиных черепов украшали угол, в котором ютился Куолу.

Он лежал молчаливый и злой. Все жены не знали, как угодить ему. Куолу капризничал: то лежал с закрытыми глазами, то требовал воды, а когда ее приносили, опрокидывал посуду и требовал похолоднее.

Через день он услышал голоса возвращающихся домой Красных Лисиц и послал к ним жен за обычной данью.

— За проход! А Чернобурым сказать: Куолу будет здоров! Узнают скоро! Пусть ждут злого ветра от моих слов!..

Так стала известна страшная угроза: Куолу хочет мстить!

Через десять дней сам Куолу сказал об этом трем охотникам Чернобурых. Он встретил их возле реки, недалеко от поселка. К этому времени рана его затянулась. Колдун стал снова выходить.

Куолу потребовал, чтобы в его землянку привели Канду. Он хочет взять ее в жены. А если не послушают: всем Чернобурым будет плохо.

У Чернобурых началась паника.

Колдун! Юсора!

В его власти пустить по ветру всякую беду. Захочет сделать зло, — где спасенье? Женщины приходили уговаривать Канду. Пусть идет к колдуну. Они же хотят из-за нее терпеть несчастье. Канда плакала. Ао с копьем в руке стоял перед шалашом и грозил каждому, кто подойдет. Через день пришло известие: колдун требует в жены не только Канду, но и Баллу.

Ни та ни другая и слышать не хотели об этом. Но женщины ворчали и сердито поглядывали на красавиц. Матери пошли разговаривать с Каху. Мать-матерей взяла из костра горящую ветку и обошла с ней вокруг землянок. Это немного успокоило взволнованные умы. Но скоро страхи возобновились.

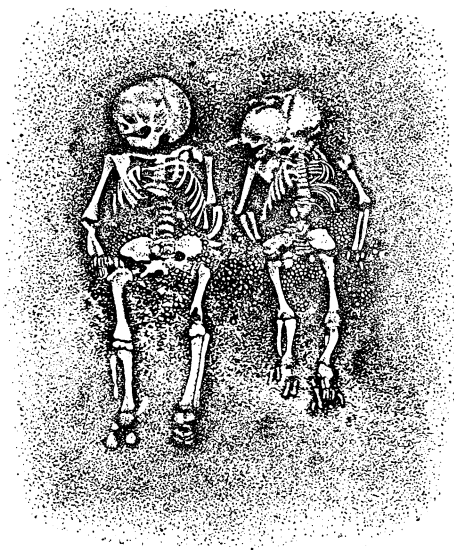
В поселке начали хворать люди, особенно дети. Каждое лето дети болели поносом. В этом не было ничего удивительного. Но в этом году болезнь была особенно злой: тяжело заболел и умер один из стариков. С каждым днем становилось все теплее и теплее. Тучи комаров и мошек вились над поселком. Потроха, кишки и всякие другие отбросы покрывались целым полчищем мух. Мухи носились повсюду: проникали в летние шалаши, садились на пищу, на руки и лица ребят. Зараза быстро распространялась.

В один из пасмурных дней Ао, Волчья Ноздря, Уа, Калли и Улла вернулись с удачной охоты. Они принесли молодого олененка, разрезанного на куски. Но вот удивление: никто их не встретил. В охотничьем доме нашли они товарищей. Остальные охотники тоже вернулись с хорошей добычей. Женщины и дети были сыты, но не было ни у кого обычного в этих случаях веселья.

Скоро они узнали, в чем дело. Все женщины собрались в землянке Уаммы. На полу посреди дома сидели с каменными лицами Огга и Уамма. Перед ними была вырыта продолговатая, неглубокая ямка. Свежая земля, откинута в сторону, лежала рыхлым валом. У стены сидели другие матери и молча глядели на два меховых свертка на дне ямы.

В это утро умерли девочка Огги и мальчик Уаммы. Трупы положили рядом и начали засыпать землей. Нарытой земли было так мало, что детские тела покрылись только тонким слоем.

Вместе с ними закопали берестяную чашку с орехами и два ожерелья из ракушек. Поставили долбленую деревян-

ную миску с водой. Когда тени умерших захотят пить, они смогут это сделать, не выходя из могилы.

Человек умирает, а тень его живет — так думали люди первобытного общества. Хорошо никто не знает, куда она девается. Она ведь и при жизни ведет себя загадочно и странно: то неотступно ходит за хозяином и повторяет все его движения, то исчезает. Когда люди засыпают, тени уходят и бродят неизвестно где. Когда спящий видит во сне других, это значит, что к нему приходят тени. И тогда можно убедиться, что они совсем такие же, как и люди. Во всяком случае, когда человек умирает, надо заранее договориться с его тенью. Ей нужно отдать все, что она любит и что считает своим. Только бы она была довольна и не вздумала обижаться и мстить.

Уамма сняла с себя свои лучшие бусы и надела их на шею Лаллу перед тем, как засыпать его землей. Каху пошептала над могилой. Уговаривала тени младенцев лежать тихо, не пугать людей по ночам. Фао положил сверху большой плоский камень. Это была дверь, которая не должна была отворяться.

Люди каменного века не понимали, что такое смерть. Они не понимали, что она — неизбежный и естественный конец всего живого. Для них вообще не было разницы между живыми и неживыми. Дерево, камень, ручей, звезда, сухой

пень— все это таит в себе такую же точно жизнь и такой же разум, как и любой человек.

Если человек погибает в бою, это еще кое-как можно осмыслить. Более сильный отнял силу у побежденного. Но вот человек умирает на своей постели. Такие объяснения, как удар, зараза, разрыв сердца, для первобытных людей не существовали.

Чья-то вражда, ненависть, злая воля врага — вот причина. Они верили, что есть средство издала нанести человеку зло и даже лишить его жизни. Они верили, что это можно сделать таинственными действиями и магическими обрядами.

Кто же виноват в смерти Чернобурых?

Конечно, Куолу! Ведь он грозил отомстить — и отомстил!

Дурной взгляд! Злые слова! Наговор, пущенный по ветру!..

Когда Улла вместе с Ао и Волчьей Ноздрей вошли в землянку охотников, они сразу почувствовали что-то неладное. Никто не позвал их сесть у огня. Никто не спросил об охоте.

Их встретили враждебными взглядами. Никто не сказал ни одного слова привета. Их считали главными виновниками гнева Куолу и его таинственной мести.

В МАСТЕРСКОЙ ТУПУ-ТУПУ

Вечером, когда в поселке все сидели по шалашам и землянкам, в летний шалаш Канды просунулась рыжая голова. Это был Уа.

Ао лежал возле костра и раздувал тлеющие угольки. Уа молча сел у входной дыры и уставился на охотника. Канда вопросительно поглядела на брата. Вид у него был расстроенный и тревожный.

Уа пришел предупредить: в поселке все боятся Куолу. Вот умерли Лаллу и Го. Ведь это — его дело. Так думают все. Куолу сердит и посылает злой ветер. Матери толкуют:

— Виноваты Красные Лисицы! Они не хотят отдать колдуну своих жен. А из-за них Куолу будет мстить всему поселку. Старый Фао говорит: надо убить Красных! А Калли и Тупу-Тупу с ним спорят. Говорят, не надо бояться. Тупу-Тупу жалеет Канду. Он не хочет, чтобы она шла к Куолу.

Канда со страхом слушала брата. Ао положил ладонь на голову жены.

— Не бойся! Ао никому не отдаст Канду!

В это время во входной дыре показалась чья-то темная фигура. Канда с криком бросилась прочь. Ао с дротиком в руках следил за пришельцем. Вдруг он засмеялся:

— Улла!— закричали все разом.

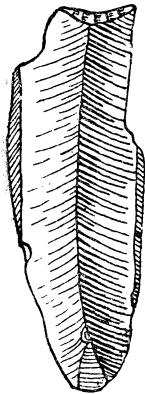
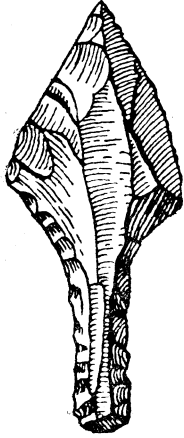
Улла пришел рассказать, что Тупу-Тупу велел звать Ао и Канду к себе. Тупу-Тупу редко ночевал в доме охотников. Большею частью он проводил время в кремневой мастерской. Тут же стоял его шалаш, в котором на мягкой подстилке из листьев он отдыхал от дневных трудов. Мастерская помещалась около реки, почти у самого устья оврага. Нужно было спуститься по узкой тропинке и миновать кусты ивняка.

Еще издали до ушей охотников стали доноситься глухие удары камня:

— Тупу-Тупу работает! Тупу-Тупу!

На площадке под крутым обрывом приютился плетеный шалаш. Перед ним все было усыпано осколками кремня. Тупу-Тупу сидел на гладком камне и стучал кремнем о кремень.

У края площадки под навесом сидели на земле люди: Волчья Ноздря, его молоденькая жена Цакку с перламутром

на подбородке и красивая Балла. Все молча смотрели на Тупу-Тупу. Вновь прибывшие, не говоря ни слова, уселись на землю и стали ждать.

Тупу-Тупу продолжал работать. Он ни на кого не обращал внимания. Он заканчивал большой кремневый наконечник. Сейчас он делал самую важную часть работы: наводил последнюю „ретушь“.

Наши герои жили в конце „палеолита“. Люди не знали тогда металлов. Они не выучились еще полировать песком свои каменные изделия. Это делали много позднее мастера „эпохи полированного камня“.

И все же их оружейное искусство стояло уже очень высоко. Они разыскивали большие кремневые желваки. Резкими ударами откалывали от них крупные куски. Из них выбирали те, которые годятся для выделки того или иного орудия. Но это было только начало. Над таким куском еще долго и упорно нужно было трудиться. Обдѣлывали его постепенно и очень осторожно. Не торопясь, придавали упрямому кремню ту форму, которая была нужна. Мелкими отрывистыми ударами отбивали от куска крошку за крошкой, пока кремь не становился по их воле то наконечником копья, то острым ножом, то тяжелой головой топора.

Звероподобный троглодит — пещерный человек раннего палеолита — еще не умел „ретушировать“. Его орудия были грубы. Он кончал свою работу там, где поздний мастер только развертывал свое искусство. Мастерская каменных орудий не была собственностью Тупу-Тупу. Каждый

мог притти туда и работать сколько захочет. Камни принадлежали всем. Каждый заботился о том, чтобы в мастерской были большие кремни. В известняках часто находили большие круглые желваки, иногда с голову ребенка. Снаружи они были покрыты белой коркой. Каждый умел сделать себе острие для копья, скребок для очистки шкуры или каменный нож.

Но Тупу-Тупу работал не так, как другие. Он был художник и мастер своего дела. Он любил работу как поэт.

Ему нравилось волшебное искусство превращать грубый кусок в изящно отточенное острие.

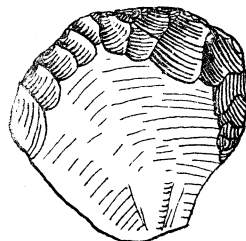
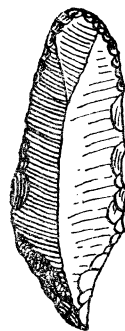
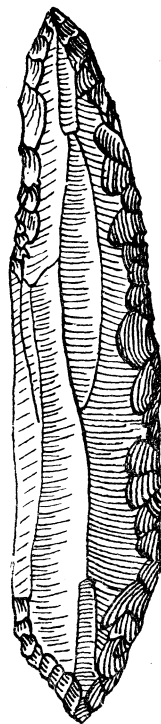
Он испытывал детскую радость, когда от крепкого удара кремень выбрасывал из-под его пальцев голубоватую искру. Глаза его вспыхивали и сверкали.словно огонь, выбитый из камня, перескакивал в его глаза, а оттуда в сердце.

И никому не удавалось так точно отбить нужный осколок от круглого желвака. Никто так ловко не умел, надавивши всей силой, отжать „отжимником“ от крупного куска тот край, который был ему нужен.

Последняя отделка была самой трудной и рискованной частью работы. Одним неловким ударом можно было испортить все: расколоть, изломать, свести на-нет добытое долгим трудом произведение искусства.

Тысячи лет первобытные люди улучшали обработку камня. Тысячи лет росли трудовые навыки этих „кузнецов“ каменного века.

Совершенствуя свои кремневые орудия, человек улучшал самого себя. Из рода в род навыкала рука. Точнее

становились движения, острее глаз, внимательнее делался взгляд, упорнее характер. Упрямая работа над камнем изменяла самого работника. Труд делал его сильнее и сообразительнее. Труд очеловечивал человека и все более отдалял от угрюмого образа жителя древних пещер, каким был его отдаленный предок.

Тупу-Тупу хмурился. Брови его нависали, капли пота стекали со лба, глаза пристально следили за работой. Язык по временам высовывался наружу.

Наконец он встал и бросил ударный камень в кучу. Работа была кончена. В руках его блестел новый накопчик.

НА ЧЕМ ПОРЕШИЛИ В МАСТЕРСКОЙ ТУПУ-ТУПУ

Теперь только началось совещание.

Тупу-тупу говорил:

— Красным нужно уходить. Их убьют, а жен отведут к Куолу. Сегодня заболела еще одна старуха. Все испугались еще больше.

За Красных Лисиц заступаются только Уа да он, Тупу-Тупу. Калли молчит. Ведь Улла увел в шалаш его жену Баллу. Может быть, Калли не забыл этого?

Говорили тихо, чтобы голосов их не унес ветер. Слов у них было мало. Они плохо связывали одно с другим. Но люди говорили не только словами. Они помогали себе руками, глазами, лицом, всем телом.

Ао спросил:

— Что же делать?

Тупу-Тупу схватил одной рукой копье, другой Канду и, пригнувшись, протащил ее через всю площадку.

Бежать!

Куда?

Тупу-Тупу показал рукой на север. Из поселка Чернобурых было только два длинных пути: на север и на юг, вдоль берегов Большой реки. На запад шла полоса густого леса. По ней уйти далеко было трудно. Густые заросли и поваленные деревья загромождали дорогу. За лесом начиналась сухая степь. Там бегали стадами сайгаки и табуны лошадей. Там было мало воды.

На востоке за рекой начинались заливные луга. В них еще не просохли болота. Там живут тучи мух, комаров,

слепней. Эти кровопийцы жадно высасывают кровь. Дальше земля поднималась, и болота сменялись лесами, а за ними опять начиналась степь.

Итти на юг в селение Красных Лисиц?

Но это значит проходить мимо Куолу! Куолу зорок. Он далеко видит кругом. Он пустит на них злой ветер. Они перемерут все до одного. Если им даже удастся дойти до своего поселка, от этого будет не легче. Куолу начнет сердиться на Красных Лисиц. Он будет им мстить, как теперь мстит Чернобурым.

Нет! Дорога только одна. Туда, откуда течет река. Куолу не скоро догадается. Пройдут пять и еще пять дней, и тогда злой глаз Куолу их не достанет.

И тут Тупу-Тупу поведал им удивительную тайну. Он слышал это от самой Унги, прежней Матери-матерей. Она говорила:

— Боишься колдовского глаза, иди к Великому льду. Дойдешь до Великого льда, никто не найдет. На Великом льду съешь сердце хуммы. Ничей глаз зла не сделает. Сам будешь, как хумма.

Ао и Улла вскочили и стали громко смеяться...

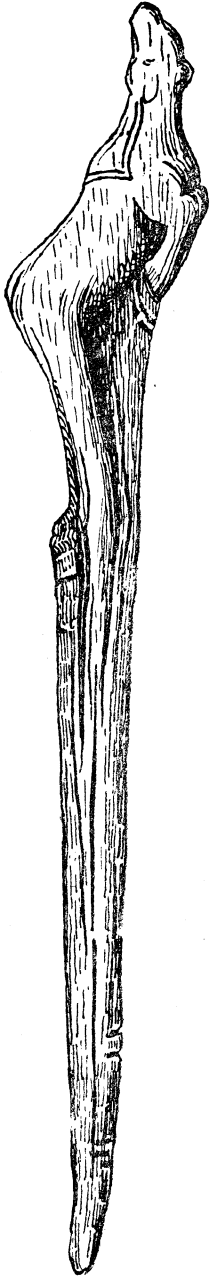
— Туда! Туда! К пещерам Великого льда!

На этом порешили твердо. Волчья Ноздря поднял кверху копьё. Он тоже пойдет. Он не хочет здесь оставаться. Его убьют Чернобурые, когда он останется один. Они сердиты теперь на всех Красных.

Канда, Цакку и Балла? Они пойдут с ними. Они не хотят итти в жены к Куолу. Лучше Великий лед!

Тупу-Тупу снабдил каждого лучшим оружием. Охотники взяли по копьё и по ножу. Ноздря — тяжелую палицу с крепкой рукояткой. В полночь, когда все крепко уснут, они отправятся в путь...

С темнотой жены охотников потихоньку пробрались к своим шалашам. Назад вернулись нагруженные всяким добром. Взяли зимнее платье и провизию; взяли необходимые каменные и костяные орудия мужей, и, конечно, каждая захватила свой особый женский мешочек с костяными амулетами и с бусами, подвесками, красками для щек, красивыми раковинами, костяными иглами и моточками тонких и скрученных в нитки волокон. Балла, кроме всего прочего, нацепила за спину увесистый мешок, из которого выглядывала круглая головка ее маленького Курру. Он привык спать

в таком положении. Как только закачалась на спине матери его меховая люлька, глазки его закрылись. Он мирно стал посапывать носиком и крепко уснул.

Балла захватила также деревянное огниво, острый кинжал, выточенный из мамонтовой кости. Ао взял мешок с фигуркой Матери-матерей Красных Лисиц. Под ее защитой он чувствовал себя смелее. С ней он спокойнее думал о дальней дороге. В полночь явился Уа. Он принес свое копьё и сумку с вещами.

— Зачем принес? — спросил Тупу-Тупу.

— Уа пойдет с ними.

Юноша показал на Ао и Канду. Уа пойдет к Великому льду. Он хочет отведать сердце хуммы. Он не хочет больше бояться Куолу.

А вот и последние новости. Старуха Тхи умирает. Ее корчит и гнет. У нее началась сильная рвота. Совсем посинела. Последние силы уходят...

Старики и старухи смотрят, как волки. Они говорят:

Умрет Тхи, надо убить Красных! Пусть жены их идут просить Куолу. Пусть берет их, только бы не сердился.

В охотничьем доме решили утром итти к шалашам и взять силой Баллу и Канду, а мужей их убить. Тогда они послушаются и пойдут к Куолу.

Уа не останется с теми, кто хочет убить Ао и Уллу. Он не хочет отдавать Канду колдуну. Он уйдет вместе, и пусть только Куолу попробует показаться. Он узнает, умеет ли Уа кидать копьё.

Беглецы потихоньку спустились к берегу. Тупу-Тупу проводил их до реки. Он велел им войти в воду. Вода не оставит следов. Никто не увидит, куда они пошли.

Тупу-Тупу долго следил, как семь беглецов осторожно шагали по воде у самого

берега. Потемки закрыли их. Оружейник долго прислушивался к всплескам воды. Потом он откинул назад длинные пряди волос и потихоньку побрел в свой одинокий шалаш.

ТОТ, КТО УБИВАЕТ НОСОМ

Первые дни беглецы очень торопились. Женщины поминутно оглядывались.

Не следят ли? Не догоняют ли?

Женщинам было очень трудно. Они не привыкли много ходить. Они искусницы шить платье, плести корзины, а не шагать по лесам и болотам. Кроме того, им приходилось тащить мешки с домашним скарбом. Особенно тяжело было Балле. Она, вдобавок к другим тяжестям, несла еще мешок с ребенком.

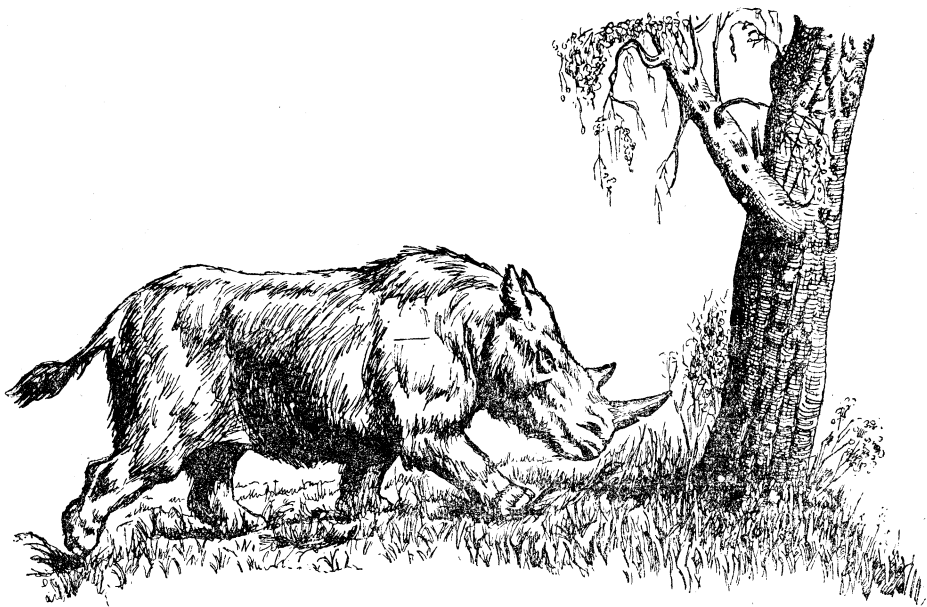
Возле поселка Лесных Ежей беглецы переправились на другой берег. Ежи были враги Чернобурых. С Ежами лучше не встречаться. Реку перешли вброд. В кустах ивняка дождались ночи, и только тогда двинулись дальше. Тучи комаров терзали и мучили их. Остановиться, развести огонь — нечего было и думать. Шли всю ночь и все утро, и только к полудню, выбившись из сил, бросились на прибрежный песок и уснули, как убитые.

Питались беглецы хорошо. Охотники каждый день убивали какую-нибудь дичь. По старицам¹⁾ ловили утят и гусят. Били дротиком крупную рыбу, подстерегали у водоемов оленей.

Уа, вчерашний мальчик, оказался отличным охотником. Каждое утро четверо мужчин расходились по двое в разные стороны. Ао охотился вместе с Уллой, Волчья Ноздря любил брать себе в това-

¹⁾ Старица—старое русло.

рищи Уа. И не было случая, чтобы эта пара возвращалась к костру с пустыми руками.

На третьи сутки они заметили: туры переходят вброд на лесную сторону. Беглецы переправились вслед за ними. На правом берегу было суше и комаров меньше. В безлюдном краю звери и птицы мало боялись человека.

На одной маленькой лесной речке нашли большую колонию бобров. Уа метнул с берега копьё в старого бобра и пробил насквозь его хвост, похожий на толстую лопату. Копьё помешало бобру спрятаться в нору. Уа вытащил застрявшего бобра, и тот крепко укусил ему палец. Уа прикончил его ударом камня и с торжеством притащил добычу на стоянку.

В тот же вечер беглецы были испуганы неожиданной встречей. Женщины вместе с Уллой спустились к реке. Надо было набрать воды в очищенные олени желудки.

Вдруг Улла со страхом стал пятиться от кустов лозняка. Оттуда пристально смотрело на людей черное мохнатое чудовище. Это был длинношерстый носорог. В те времена они еще бродили по равнинам Европы. Носороги были неприхотливы к еде. От холода защищала их густая шуба из длинных темных волос.

Носорог только что напился. С нижней губы его стекали

капли воды. Он стоял спокойно. Но вот глаза его забегали. Он не любил встречаться с двуногими. Носорог топнул ногой, наклонил голову и выставил вперед длинный, изогнутый рог. Улла побелел, как смерть. В два прыжка он очутился у обрыва и стал карабкаться вверх по береговой круче. Женщины с визгом бросились за ним.

Носорог остался внизу и внимательно следил за женщинами. Решено было, не откладывая, уходить от опасного соседа. Охотники с женами наскоро собрали пожитки и двинулись дальше. Но не успели они пройти первой тысячи шагов, как Улла вскрикнул и схватил за руку Ао. С ужасом глядел он назад: там снова, словно из-под земли, вырос огромный зверь. Носорог шел по их следам и нюхал землю. Зверь явно следил за вереницей людей, пробиравшихся по берегу.

Что было ему нужно?

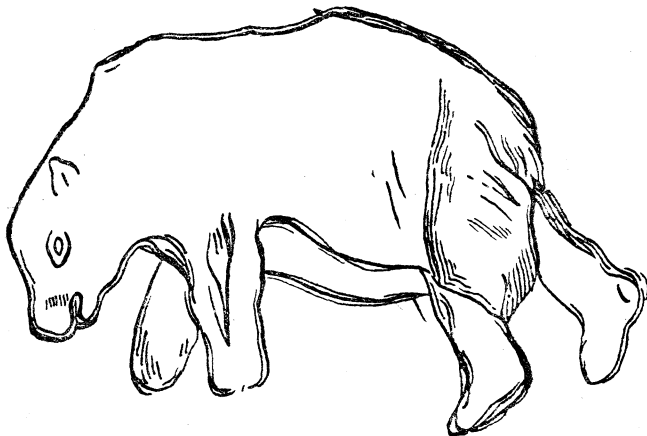
Носорог — не хищное животное, но у него капризный и вспыльчивый нрав. Он очень легко раздражается и приходит в ярость. Когда самки ходят с детенышами, самец особенно вспыльчив и готов броситься на каждого, кто окажется близко.

С ОБОРОТНЕМ НАДО ПОКОНЧИТЬ

Тут произошло то, что трудно было предвидеть. Улла вспомнил о Куолу, и его воображению представилась страшная картина: их преследует не носорог, а колдун Куолу в образе этого зверя. Улла издал неистовый вопль и без памяти бросился в сторону. Он, как безумный, летел прямо к береговому обрыву. Ужас до того овладел им, что он, казалось, совсем потерял голову. Но всего хуже было то, что носорог, не обращая внимания на остальных, свернул в сторону и пустился вслед за ним.

Улла добежал до берегового обрыва и быстро вскарабкался на кривой, наклонившийся над кручей ствол березы. С ловкостью обезьяны добрался он до первых раскидистых сучьев дерева и судорожно уцепился за ветви.

Носорог подбежал вплотную, потоптался на месте, ударил рогом по стволу и отошел в сторону. Тут он фыркнул, еще раз пошлепал длинной верхней губой и шумно зевнул. Он ждал, но Улла забрался еще выше. Наконец, чудовище стало удаляться. Слышно было, как оно ломало кусты и топтало лесной валежник. Когда шум его шагов затих, все понемногу

начали вылезать из-за кустов, куда попрятались от страшного зверя.

Улла попрежнему оставался на березе. Зубы у него стучали, как в лихорадке.

— Это Куолу! — шептал он побледневшими губами. — Это Куолу!

Все вздрогнули и оглянулись... Как это они раньше не догадались? Вспомнились рассказы отцов. Сколько раз оборачивался он носорогом, медведем, зубром и филином. Вот и теперь... До встречи с носорогом беглецы начали было успокаиваться. Стали думать: можно, пожалуй, остановиться на постоянное жительство. Лето ведь не так велико. Незаметно подойдет осень с холодом и дождями, а за ней — снежная зима с морозами и метелями.

Не пора ли копать прочные землянки? Не пора ли устраиваться на зимовку?

Оборотень-носорог разрушил все эти планы. Беглецы холодели от ужаса на каждой стоянке. Они боязливо оглядывались на чащу леса. Куолу в образе носорога преследовал их. Если он напал на их следы, то нельзя и думать о спокойной жизни.

Бежать и бежать! Бежать как можно дальше! Путать свои следы. Делать все, чтобы сбить с толку страшного преследователя. Но этого мало. Если колдун оборачивается зверем, пускает в ход свою колдовскую силу, то нужно прежде всего разрушить эту силу.

С утра беглецы приступили к этому важному делу. Аосколком кремня снял с березы большой кусок бересты. На

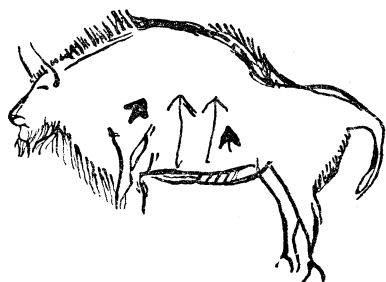
ней он нарисовал фигуры волосатого носорога, бизона и медведя. Улла слепил из глины высокую колонну возле ручья и на верхушку ее поставил белую фигурку Ло, Матери-матерей Красных Лисиц. Пока Ао дорисовывал своих зверей, Волчья Ноздря потихоньку нашептывал в уши белой женщине просьбу защитить их от колдуна.

Когда рисунок был готов, Ао показал его всем. Это были верно схваченные облики носорога, медведя и бизона. На одном из рисунков художник сделал теперь некоторое добавление. Это было изображение нескольких копий, вонзенных в тело животного. Немного подумав, он прибавил к копьям два наконечника для стрелы, затупеванных в виде треугольника.

И копьё и треугольник были совершенно понятны зрителям. Копьем художник поражал не только нарисованных животных. Он наносил удар живому врагу, оборотню Куолу. Треугольник — это дом, землянка. Он означал магический приказ оборотню вернуться домой. Копье должно было приковать его к жилищу. Это на случай, если самый удар не уничтожит противника насмерть. Останется жив — пусть сидит дома!

Ао положил бересту к ногам Матери-матерей. Ведь это она должна была своим могуществом придать силу магическим рисункам.

Все семеро окружили фигурку Матери-матерей танцующим хороводом. Ао рассказал покровительнице своего рода все обстоятельства дела. Он изложил ей просьбу ее родичей о помощи. После этого танцующие еще раз повторили нараспев все сказанное художником. Трижды обошли они вокруг Матери-матерей. Заклинание кончилось. Теперь можно было итти дальше.

ТУНДРА И КРИВОЛЕСЬЕ

Сколько суток прошло после заклинанья? Беглецы не считали. Но никогда бы они не зашли так далеко, если бы не эта встреча со страшным зверем. Страх уменьшился, но не прошел. Особенную власть имел он над сердцем Уллы. Всякий след тяжелой ступни, медведь, замеченный издали, неясные голоса ночи заставляли его вздрагивать. Напуганное воображение рисовало ему страшные картины... Широко раскрытыми глазами старался он пронзить темноту. Каждую минуту ждал: не высунется ли из леса голова оборотня.

По мере того, как путешественники двигались к северу, природа постепенно менялась. Становилось все холоднее. Лесные деревья делались ниже и корявее. Сучья их были густо обвешаны темными лишайниками и росли только с южной стороны. Казалось, они прячутся за толщу ствола от резкого северного ветра. Все чаще и чаще попадались торфяные болота. Болота были или вовсе безлесны или с такими редкими и чахлыми деревцами, каких охотники наши не видали на родине.

Наконец, деревья стали попадаться только по берегам рек. Часто встречались то осоковые болота, то моховики. На кочках росли кустики морошки. На одном и том же кусте можно было видеть и белые цветы, похожие на малину, и красные незрелые ягоды, и нежные спелые плоды желтого цвета, питательные и приятные на вкус. Беглецы наедались ими доотвала, даже маленький Курру явно начинал выказывать предпочтение ягодам и все реже и реже требовал материнскую грудь.

Сама река сделалась уже. Берега понизились. В оврагах лежали скопившиеся на дне сугробы. Люди с удивлением

смотрели на эту безлесную равнину. По тундре бродили стайки оленей.

Олени недаром уходили летом на север. Здесь их не так тревожили мошки и комары. Здесь вволю наедались они листьями и ягодами кустарников. Между кочками светлыми пятнами разрастался олений мох, любимая пища оленей.

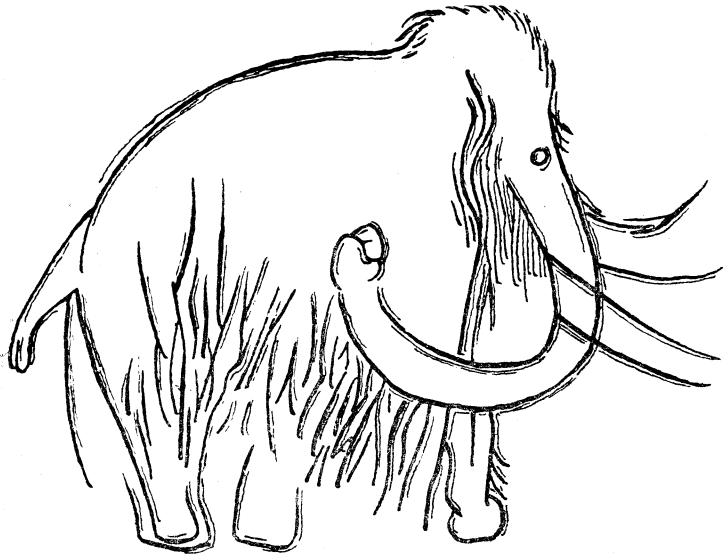
Охотники каждый день возвращались к стоянке с богатой добычей. Они подкрадывались к зверям ползком; подкарауливали их в кустах у водооя; ловили молодых оленят и уходили порой довольно далеко от Большой реки.

Впрочем, она уже давно перестала казаться им большой. Женщинам приходилось тащить тяжелые свертки мехов, число которых увеличивалось с каждым переходом. Зато ночью меха спасали их от стужи и холодных туманов. Костры разводили сухими сучьями кустарников или кривыми стволами попадавшихся кое-где чахлых елок и лиственниц. Один раз они попали в крупно-бугристую торфяную тундру. Кочки-бугры, величиною с высокий шалаш, были раскиданы по всей равнине. По цвету они были похожи на большие каравай ржаного хлеба. Сверху кочки покрыты сухими лишайниками и жесткой древесной порослью. Пробираться между ними было тяжело. Наконец, охотники еще издали заметили голубое озеро и поспешили к нему, чтобы скорее выйти из бесплодных и мертвых бугров.

После долгой и утомительной ходьбы они очутились во влажной низине озера, окаймленного широким кольцом зеленых кустов ивняка, и здесь присели отдохнуть.

Вдруг Улла толкнул Волчью Ноздрю и показал пальцем в сторону. В отдалении они заметили другие „бугры“, ко-

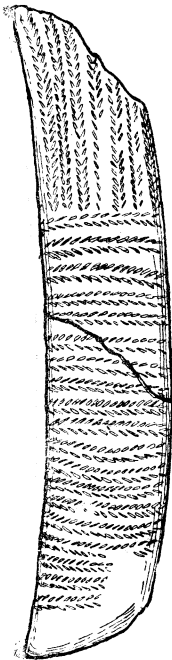

торые на их глазах шевелились, переходили с места на место.

— Хуммы!—воскликнули охотники.— И действительно это были мамонты. Они медленно пробирались по течению узенькой речки, густо заросшей корявыми кустами. Речка была так узка, что издали воды не было видно. Только полоска береговой еры¹⁾ обозначала ее извивы. Хуммы ломали хоботами ветки и отправляли их в свои ненасытные рты. Широкие уши шевелились и топорщились. Детеныши то спускались в воду, то вылезали на берег.

— Это они! они!—шептал Улла, вглядываясь в стадо.

Ему казалось, что он узнает колоссального старого самца, которого он преследовал с горящими головешками на своей родине, у селения Красных Лисиц. Волчья Ноздря восторженно смотрел на мохнатых великанов. В нем вспыхнула страсть прирожденного охотника на мамонтов.

¹⁾ Ерой на севере зовут густые заросли ивняка.

Хуммы — ведь это не простая добыча. Это добыча из добыч! Один хумма в ловушке — и сыт целый поселок! И не один день, а много, много и еще много. Месяц родится, станет толстым, похудеет и умрет. Вот сколько дней будут сыты люди из поселка. Хумма — это гора мяса. Его горб — гора жира. Его шерсть — гора волос. Женщины насучат из них ниток. Ими будут шить меха — будут делать теплые шубы. А охотники сплетут из шерсти крепкие веревки, петли для птиц, привязи для ловушек. Бивни хуммы — костяные бревна. Из них можно делать кинжалы, ножи, иглы, украшения, застежки на одежде, изображение Матери-матерей. Мало ли что может сделать из них искусный резчик? А весь костяк, особенно кости ног? Это те же доски и столбы. Из них можно построить крепкое жилье.

А сердце? Кто съест сердце — сам станет, как хумма. Никакой зверь не одолеет его. И тот, кто сильнее всех, колдун Куолу, будет бессилен сделать ему зло. Недобрый глаз потеряет над ним силу. Дурной ветер не принесет ему вреда. Охотником из охотников станет тот, кто победит хумму. О нем будут петь песни люди Большой реки. И, наконец, ребра... Это пища Огню предков. Ребра пропитаны жиром. Они горят, как дрова.

Беглецы жадно глядели на мамонтов. Уа дрожал от нетерпения. Ноздря облизывался. Ао и Улла крепко сжимали копья.

Стадо медленно приближалось к озеру. Впереди шли слоники, за ними детеныши, а сзади — самцы. Охотники наскоро оглядели окрестность и быстро перетащили пожитки на ближайший холмик. Там они и стали устраиваться. Ао и Улла спустились к зарослям ивняка наломать побольше сухих веток. Балла расстелила оленью шкуру

и стала кормить малыша. Канда и Цакку отправились к ручью за водой. Волчья Ноздря и Уа исчезли надолго. Они пошли поглядеть, что делают мамонты. Они вернулись, когда от озера поползла белая полоса тумана.

ТРЕЩИНА

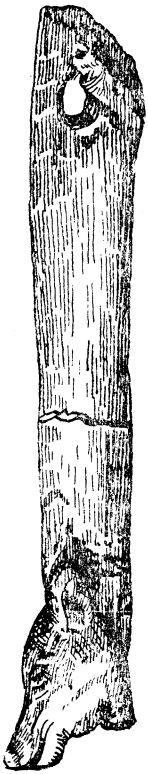
С тех пор, как беглецы наткнулись на мамонтов, женщинам стало еще тяжелее. Охотники ни за что не хотели потерять из виду горбатых зверей.

Если утром стада не было видно, Волчья Ноздря отыскивал свежий след, и все четверо мужчин пускались вдогонку. Хуммы не делали больших переходов. Днем они паслись по ивнякам, на ночь поднимались в высокую сухую тундру. Они не любили, как и люди, туманов.

В низине лежал лед. Это был сероватобелый слежавшийся снег. Он копился здесь веками. Каждую зиму метели наваливали сверху много свежих сугробов. Каждое лето солнце старалось растопить их. Но это никогда ему вполне не удавалось. Это и был край Великого льда.

В долину Большой реки заходил нижний выступ ледяного покрова. В самом южном конце его из ледяного грота выбивались мутные потоки воды. Здесь было рождение Большой реки. К ее сырым и грязным берегам приходило стадо хуммов, чтобы напиться.

На ночь наши беглецы разводили костер и жарили на нем куски оленины, выкопанных из нор жирных пеструшек, или бросали на уголья зубастых щук. На каждой стоянке в землю втыкали дротики охотников. На них натягивались олени шкуры, получался меховой навес, защищавший ночевщиков от холода.

Ао просыпался с рассветом. Он первый вылезал из шалаша и любил постоять и прислушаться к утренним голосам. Тундра была полна жизни. В ивняке распевали свои трели варакушки¹⁾. Полярные жаворонки, подорожники и желтые трясогузки подавали свои нежные голоса.

У берегов речушек, озерков и непросяхающих луж суетились бесчисленные кулички, кричали красноглазые морские сороки, реяли чайки и вилохвостые крачки. Хищным полетом стремительно пронеслись темные поморники, квакали в кустах белые куропатки, на воде крякали утки, гоготали гуси, трубили лебеди и отчаянно, звонкими и печальными стонами голосили вдали северные гагары.

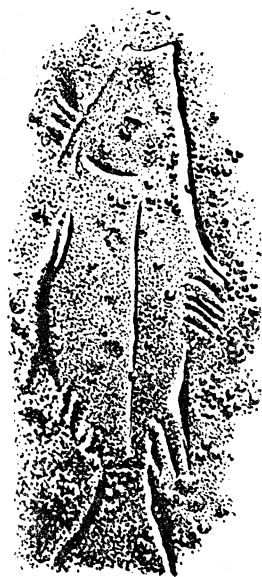
Летом дождей почти не было. Небо большей частью было ясно, только порою со льда напозлали туманы, и тогда тело охватывала пронизывающая сырость.

Лето перешло уже на вторую половину. Ночи становились длиннее и холоднее. Последние дни женщины стали часто плакать. Они ничего не говорили, но мужчины догадывались в чем дело. Женщинам хотелось теплого жилья. Они устали переходить с места на место. Нужно было бы сделать землянку, но здесь не было подходящего места. Топлива тоже было мало. А на зимнее время нужно много, много огня. Охотники сами понимали, что пора уходить, но все медлили.

Кто же их удерживал?

Хуммы!

Каждый день мужчины ходили по следам носатых чудовищ. Они изучали их тропы и стоянки. Один раз Уа, запыхавшись, прибежал к костру. Он хлопнул

¹⁾ Певчая птица, близко родственная соловью.

Ноздрю по спине и таинственно показал ему в сторону льда. Охотники сейчас же исчезли вместе с ним. Они не вернулись в этот день на стоянку.

Женщинам пришлось ночевать одним. Ночью северный ветер нагнал снежную тучу. Снег падал хлопьями и завалил кусты и кочки. Было страшно. То и дело, приподняв край полога, вглядывались женщины в темноту ночи. Но никого и ничего не видели в ночном сумраке.

Мужчины не пришли и на второй день. Что с ними случилось? Наконец, женщины не выдержали и отправились их разыскивать. Везде бежала вода. Снег начал таять. Яркие лучи солнца слепили до боли глаза. У края ледника лежали груды песку. Между ними текла вода. Итти было трудно. И куда итти? Цакку заплакала. Она делала это всегда, во всех трудных случаях. Канда взобралась на холмик, чтобы оглядеть окрестность. Кругом были видны темные вершины холмов. Среди них белели отроги ледника. Ниже шумели бегущие потоки мутной воды. Вдали синели холмы, подернутые влажной дымкой.

Это были времена, когда царство льда дрогнуло и стало медленно отступать к северу. Тающий лед оставлял на месте глину, песок и камни. Целые груды их громоздились здесь и там. Песчаные холмы тянулись неправильными грядами. Они обозначали старые границы льда, когда оледенение было еще более мощным.

Между холмами сверкали синие зеркала озер. Мелкие болотистые речки сочились по низинкам, пробираясь к верховьям Большой реки.

С верхушки холма Канда видела десятки озер. В чистой воде их, как в зеркале, отражалось голубое небо. Дальше, за холмами, озер уже не было видно. Но по белым пятнам тумана можно было догадаться, где скрывается водяное стекло.

Полярные совы неподвижно сидели на верхушках холмов. Белые перья их сверкали на солнце, как круглые снежные комья.

Вдруг на склоне ледника показались фигуры людей. Канда радостно замахала руками. Это были Улла и Ао. Они также увидели ее и стали бегом спускаться.

— Хумму поймали!

Это были первые слова, которые услышали женщины. Все пошли на место охоты. Здесь толща ледника была прорезана глубокими трещинами. Они доходили до самой земли.

Тут пролегалла хорошо протоптанная тропа хуммов. Мамонты не раз переходили ледник, перебираясь с одной стороны долины на другую.

Уа заметил, что даже узких трещин хуммы не переступали. Верный инстинкт подсказывал тяжелым животным бояться всяких трещин. Погибали неосторожные. Оставались в живых те, которые боялись.

Присмотревшись, как ходят мамонты, охотники решили перехитрить толстокожих. В том месте, где тропа приближалась к трещине, начались коварные приготовления. Люди притащили несколько низкорослых елочек и устроили из них легкий мостик, шириною около пяти шагов. Промежутки между стволами плотно закрыли нарубленными сучьями ивняка, а сверху накидали снегу. Крепкими рукоятками копий охотники пробили неглубокую канавку поперек слоновой тропы.

К ночи все было готово. Теперь нужно было только ждать.

СЕРДЦЕ ХУММЫ

Ночь провели охотники на льду, тесно прижавшись друг к другу. Утром устроили засаду. Вот, наконец, показалось стадо хуммов. Впереди, раскачивая хоботом, шел старый клыкастый вожак. Он грузно ступал по белой ледяной тропинке. Остальные гуськом тянулись следом. Охотники ясно слышали тяжелую поступь великанов.

Вдруг вожак остановился. Он дошел до канавки. Уши его шевельнулись. Хобот поднялся вверх. Раздался отрывистый звук.

Тревога! Этой канавки не было! К нему подошла старая самка со слоненком. Подошли и другие старые и молодые хуммы. Все они нерешительно трогали край канавки хоботами и шевелили ушами. В это время один из слонят взобрался на покрытый снегом помост. Тонкие елки затрещали, и слоненок рухнул вниз вместе с кучей жердей, веток и комьями снега.

Старые хуммы шарахнулись в сторону. Слонихи завизжали, подзывая детенышей. Тревога прошла по стаду. Скорее уйти от непонятной беды!

Только одна слониха осталась у трещины. Она звала, но никто не откликнулся. Слоненок упал вниз головой и за-

стрял на самом дне. Падение оглушило его. Мохнатая слониха напрасно звала... Когда стадо отошло, она перестала визжать и пустилась догонять остальных.

Лагерь был перенесен к самому краю ледника. Охотники выбили ступени во льду, чтобы спускаться на дно трещины. Вытащить зверя наверх даже по частям было невозможно.

Первое дело, которое сделали наши беглецы, было исполнение тайны Матери-матерей. Ао долго работал каменным ножом. Он разрезал кожу и мясо на груди у слоненка. Кремневой „пешней“ разрубил два ребра, отогнул их и руками вырвал волшебное сердце. С восторгом прижал он его к себе и выхватил из него зубами кусок мяса. Он первый отведал сердце хуммы, и теперь ему не страшны никакие колдуны! Ао смеялся и готов был кричать от радости. Тяжело дыша, он вылез по скользким ступеням наверх и бережно положил к ногам охотников свою ношу.

— Ешьте!— кричал он. — Ешьте! Будьте, как хумма!

Сердце было разделено между всеми охотниками. Уа отрезал от своей части кусочек и сунул его в рот Курру: пусть вырастет силачом и не боится никаких колдунов. Балла ласково поглядела на юношу. В это время Канда подбежала к мужу и выхватила у него одну из частей сердца, которые он получил при дележе.

Прежде чем он успел опомниться, она откусила от него кусок и быстро проглотила, не стараясь даже его разже-

вать. Все смотрели на нее с изумлением. Сердце добычи считалось долей мужчин, и женщины его не ели.

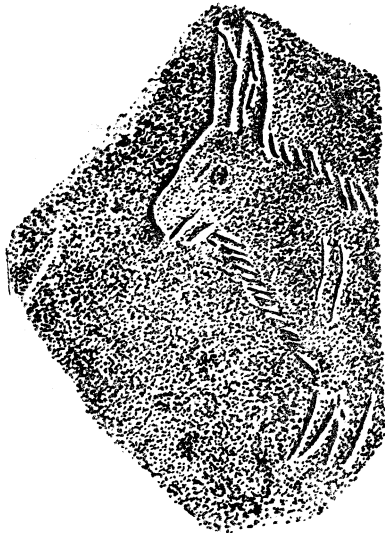
— Канда тоже не будет бояться колдуна!— закричала она и, как ребенок, захлопала в ладоши.

АММУНЫ

Каждый день мужчины отправлялись к трещине и приносили новые порции мяса. Один раз они добыли двух песцов. Шустрые зверьки уже успели разведать, что плохо лежит. По ночам они спускались к слоненку тем же путем, что и люди. Здесь утром застал их Ноздря и прикончил ударом палицы.

Однажды Уа заметил большое стадо овцебыков. Они спустились к реке на водопой. Уа с Волчьей Ноздрей подкрались к стаду и убили годовалого теленка. Еды было вволю. Зато мало топлива. Приходилось есть мясо сырым. Это, впрочем, их не смущало. Гораздо хуже было то, что все чаще надвигались густые туманы. Они сползали с ледника почти каждую ночь.

В один из вечеров Ао и Улла вернулись к шалашу раньше других. Они принесли свежую добычу и думали порадовать ею жен. Но женщины встретили их бунтом. Едва

только показались охотники перед шалашом, как Балла и Цакку подняли неистовый вопль:

— Аа! Аа!.. — кричали они.

— Холодно! Аммуны! — вопила Балла.

— Злые аммуны! Домой! Домой! — голосила женщина с перламутром. — Боимся больших аммунов!

Разбуженный криками матерей, в шалаше надрывался Курру. Одна Канда не кричала. Она лежала ничком и молча утирала слезы. Женщины боятся аммунов!

Слово „аммуны“ трудно передать на нашем языке. Всякий раз, как с ледника напоззал густой туман, женщины шептали: „пришли аммуны“ и прятались в жилье, стараясь закутаться с головой.

Аммуны — это не то, что туман. Туман — холодный пар, облако, ползущее по земле, — и ничего больше. Но для Канды, Баллы и Цакку туман — это прежде всего таинственное, живое существо. Вернее, целая толпа каких-то непонятных существ. Они двигаются, ползают, улетают и возвращаются вновь. Они замышляют злое и причиняют несчастье.

Ао и Улла поняли одно: их женам надоело жить в новых местах. Они страдают от сырости темных ночей. Они истосковались по теплomu жилью, соскучились по землянкам своего поселка. Но главное: их смертельно пугают туманы.

Охотники положили на землю убитого зайца и двух белых куропаток. Но решить дело без товарищей нельзя. Нужно было дожидаться их возвращения. Мужчины стояли молча, опершись на свои копья. Женщины уселись на землю и продолжали выть.

— Аа! Аа! Аа! — тянули они, и слезы ручьями стекали по их щекам. Они плакали громко, а сами следили, какое действие производят на мужчин их вопли и потоки слез.

Иногда они уставали кричать и начинали скулить потихоньку. Потом вдруг, спохватившись, принимались снова причитать, жаловаться и повторять одни и те же слова.

Наконец, вернулись Уа и Волчья Ноздря. С их приходом вопли возобновились с новой силой. Охотники с удивлением смотрели на плачущих женщин. Они переводили глаза на стоявших молча Ао и Уллу, стараясь понять в чем дело.

Наконец, Ао показал на женщин и сказал только четыре слова:

— Боятся аммунов! Хотят домой!..

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

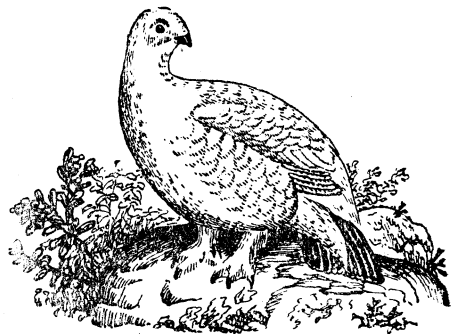
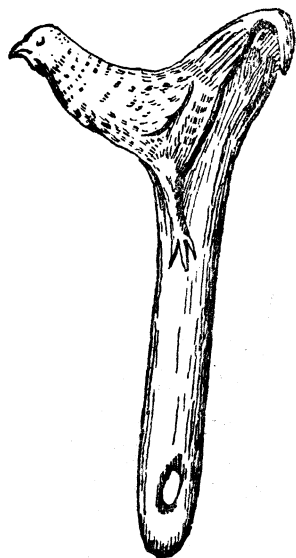
Возвращаться домой решили без лишних слов. Было ясно, что оставаться здесь дольше, нельзя. Мужчины, хотя не так, как женщины, но все же побаивались аммунов. Они тоже спешили к шалашу, едва только издали замечали приближение тумана. Они знали: когда эти холодные белые существа застанут человека вдали от жилья, то они делают его слепым. Человек не знает, куда идти и где его дом.

Но и помимо аммунов все заставляло думать о возвращении. Птицы улетали. Большие звери тоже потянули на юг. Приближалась зима... Улла еще вчера видел стадо северных оленей. Оно двигалось туда же, куда летели и птицы. А в это утро Уа с Ноздрей узнали, что и хуммы ушли. Их свежие следы вели в долину Большой реки, а там поворачивали вниз по течению. Вдоль берега пролежала их кочевая тропа...

Хуммы ушли!.. Красные Лисицы пойдут за ними!

Ноздря не сказал ни слова. Он просто начал собирать оленьи и песцовые шкуры и укладывать в свой мешок. Уа принялся увязывать шкуры. Женщины повеселели. После ужина улеглись успокоенные и обрадованные победы.

С первыми лучами солнца весело двинулись в путь. Он был далек и труден. Впереди — опасности и тревоги, холода и туманы, дожди и суровые

ветры, переправы через реки и ручьи, топкие трясины и болота, покрытые кочками. Но зато там, в конце пути, их ждут теплые землянки!..

И Куолу теперь уже не страшен: люди съели сердце хуммы. И потому они пошли старым путем.

К югу от тундры охотники снова вступили в полосу криволесья. Равнины, покрытые мхами и лишайниками, сменились редким лесом. То там, то здесь попадались стаи оленей. Наконец, пошла настоящая лесная полоса. Лес стоял густой и высокий. Темной стеной потянулись хвойные чащи. Они сменялись белыми стволами берез и высоким осинником. Возле самой реки тянулась узкая береговая полоска, по которой итти было легче. Но и она часто перегораживалась старыми деревьями, упавшими с высокого берега вершиной к воде. Половодье осенью и весной каждый год прочищало дорогу. Ледоход стирал молодую поросль и уносил вниз по течению все, что валялось на берегу. В осиновых рощах было светлее и просторнее. Листья уже пожелтели. Порывы ветра рвали их с вершин, и они сыпались вниз и устилали ковром похолодевшую землю.

В одной из таких рощ Уа выследил однажды целую семью торфяных оленей. По всем правилам охотничьего искусства Уа обошел стадо и начал подкрадываться против ветра. Делал он это мастерски. Скоро он уже заметил старого самца, большерогого торфяного оленя, и четырех самок с молоденькими оленятами. Он соображал, какой из оленей ближе всего должен подойти к его засаде, как вдруг что-то темное упало с дерева...

Одна из самок сделала огромный прыжок и, закинув голову, ринулась через кусты. Она мчалась прямо к тому месту, где стоял Уа. Охотник увидел зверя, вцепившегося в шею оленя. Поронявшись с кустами, за которыми прятался

Уа, олень остановился. Колени его подогнулись, и он рухнул на землю, дрожа всем телом и брыкаясь задними ногами.

В один миг Уа выпрыгнул из кустов и изо всех сил вонзил хищнику копые ниже лопаток. Удар был так силен, что кремневое острие пробило сердце: фонтаном забила струя крови. На издыхающем олене извивалась в судорогах черная „унда“, свирепая лесная росомаха.

Уа добил ее и напился ее горячей крови.

Покончив со зверем, Уа вернулся к важенке. Она была еще жива, но кровь ее ключом била из зияющей раны на шее. Силы оставляли ее, взгляд сделался неподвижным, и скоро она умерла.

ТРЕВОГА

Уа торжествовал. Глаза его блестели, на щеках играли веселые ямки. Неожиданно сделался он владельцем двойной добычи.

Но что же ему делать? Одному не унести. Нужно позвать товарищей. Он еще раз оглядел свои трофеи и бегом пустился к стоянке.

Через полчаса он добрался до лагеря. Мирно курился костер. Перед костром сидела Балла и кормила маленького Курру.

— Где все?! — крикнул Уа задыхаясь.

— Женщины — за ягодами! Охотники — не приходили! Ходят за стадом хуммов.

Уа не мог говорить. Он только показал, откуда пришел. Руками сделал рога на голове. Потом скрючил пальцы на обеих руках. Это был знак „унды“ — росомахи.

— Убиты, — прибавил он. — Уа пил их кровь.

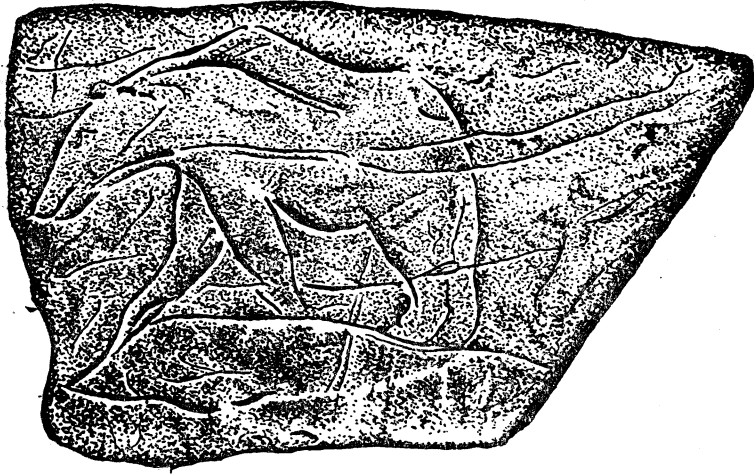
Много слов не надо было. Балла и так поняла. Она весело смотрела на Уа. Какой он ловкий! Какой красивый! Она не забыла еще, как он гонялся за ней с копыем и больно ее ударил.

— Утро придет — надо взять, — сказала она. Улыбка показала ее белые зубы.

— Нельзя! — сказал Уа. — Придут те, кто воет по ночам. Они съедят мясо.

— Ну, будем кричать, — ответила она весело.

— Ао! Улла! Ао!

Ее голос звенел, как серебряный колокольчик. Впрочем, в то время люди не знали еще ни золота, ни серебра.

— Ты кричишь, как черный дятел, — сказал он.

Оба весело засмеялись и снова принялись громко выкрикивать:

— Улла! Ноздря! Ао!

Потом они уселись и начали ждать. Балла отнесла уснувшего Курру в шалаш. Оттуда она вернулась с берестяным кузовком. В нем были спелые ягоды желтой морошки, снятые с мохового болота. Оба уселись у костра и стали есть. Но вот зашевелились листья ольхи: это вернулись мужчины.

— Кричали? — спросил Улла.

Уа рассказал о своей удаче. Нужно скорее идти. Охотники захватили две жерди и быстро зашагали на место, где лежали убитые росомаха и важенка.

Уа шел впереди, другие охотники — за ним. Дошли... Уа растерянно остановился: там, где лежали трупы оленя и унды, было пусто.

Ноздря наклонился и стал рассматривать смятую траву.

— Вурр! — сказал он.

Трава была примята полосой. По ней волочили что-то тяжелое.

— Сюда тащил! — сказал Ноздря. — Сыт был! Тащил спрятать.

Под корнями упавшей елки лежала куча ветвей и листьев.

— Тут! — сказал Ноздря.

Он поворошил в куче копьём. Под валежником лежала зарытая оленья туша. Рядом с ней на обнаженной земле отпечаталась широкая медвежья пятерня. Медведь был сыт. У оленихи он съел только вымя. Остальное было спрятано на тот час, когда разыграется медвежий аппетит.

Охотники не стали искать россомахи. Они знали, что вурр шутить не будет. Если застанет здесь — придется плохо. Они быстро вспороли оленью шкуру и ножами отделили оба задних окорока. Всего не донести. Да и с медведем лучше было поделиться. Когда все было готово, Ноздря отделил стебелек травинки и облизал его языком. Затем присел на корточки и положил травинку на медвежий след.

— Будь здоров, хозяин! — начал он ласково. — Мы твои гости! Мы дети твоей сестры. Мы сняли шкуру и приготовили тебе тушку. Не ищи нас! Мы ушли далеко. За реки и озера, за леса и болота...

Наскоро закидали мясо валежником и торопливо пустились к реке со своей добычей. Вдруг Ао остановился.

— Кричат!

Все замерли на месте. Через миг по водяной глади ясно донесся издали отчаянный женский вопль.

— Кричат! Зовут! Тревога!..

Швырнув мясо под ореховый куст, охотники вихрем помчались к стоянке.

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Стоянка была пуста. Костер догорал. Трава вокруг истоптана. Шалаш наполовину разрушен. Меха раскиданы, часть их унесена. Все носило следы нападения и борьбы.

Не было ни женщин, ни ребенка.

— Звери! — прошептал Уа.

— Люди! — ответил Ноздря.

— Не звери — крови нет!

— Следы, — сказал Улла и поднял с земли меховой колпак вроде мешка с вырезом для лица.

— Чужой!

Это был богатый колпак! По краям искусная рука нашила нарядную бахромку.

— Женщин нет! — сказал Уа.

Ао показал по течению реки. Он хотел что-то сказать, но в это время раздался сзади женский крик.

— Ао! Улла!

С берегового обрыва спускалась Балла. Она кинулась в шалаш и с криком выбежала оттуда:

— Унесли!.. Нет Курру!..

Женщина выкрикивала бессвязные слова. Было трудно разобрать, что случилось.

А случилось вот что.

Канда и Цакку вернулись поздно. Балла жарила мясо.

Вдруг из кустов выскочил колдун и с ним много людей. Схватили Канду. Она стала кричать. Балла бросилась бежать. За ней погнался мужчина. Она убежала в лес. Долго бежала, быстро... Все-таки ее догнали; схватили за руки. Тут она увидела Калли!

Калли приказал ей спрятаться и обещал обмануть Куолу. Он скажет колдуну, что не мог догнать.

Мужчины поняли: напали Чернобурые и с ними Куолу. Как он узнал? Хочет мстить? Сколько с ним Чернобурых?

Балла показала пять пальцев на одной руке, на другой три.. Потом затрясла головой:

— Нет. Было темно... испугалась... Нет! Балла не знает!

Она заплакала. Мужчины молчали. Ао дрожал. Мысль, что Канда в руках колдуна, приводила его в ярость. Кровь бросилась ему в лицо, когда Балла рассказывала о Куолу.

— Арру!—крикнул он боевой клич Красных и Чернобурых Лисиц. В этом кличе был и вызов на бой, и зов, обращенный к товарищам, и возглас мужества, и вера в близость победы. Уа и Ноздря подняли дротики. Они сами рвались на поиски похищенных женщин. Один Улла остался стоять с опущенными руками. Он втянул голову в плечи, как будто над его головой уже занесена палица врага. Ао с удивлением посмотрел на товарища.

— Чернобурых много, — медленно проговорил Улла.

— Пять!— он поднял руку, растопырив пальцы. — Три!— поднял вторую. — Красных мало!

Балла гневно взглянула на мужа и подняла пять пальцев кверху.

— Балла тоже возьмет копьё!.. Будет пять!..

Глаза ее сверкали, как у дикой кошки.

— С ними Куолу... Он... все может... Он... — шептал Улла.

Ноздря нетерпеливо топнул ногой.

— Красные поползут, как змеи! Они перебьют Чернобурых! Чернобурые умрут во сне!...

— Красные были у Великого льда. Они ели сердце хуммы! — кричал Уа. — Пусть колдун боится Уа! Уа не боится, никого не боится!

Уа взглянул на Баллу. Слова эти ободрили трусливого Уллу. Он поднял копье.

— Улла тоже ел сердце хуммы. Он перестанет бояться! Балла посмотрела на мужа. Все молча зашагали по следам врагов. В самом начале пути вышла заминка. Копье, которое взяла Балла, оказалось негодным: каменный наконечник выпал из расщепа. Уа отдал ей свое, а сам взял у Ноздри тяжелую палицу. Итти нужно было осторожно. На шум и разговоры было наложено строгое „нельзя“. Шли долго. Ночные потемки густели каждую минуту. Но вот... впереди, у самой воды, заблестел огонек.

— Они!

Десять глаз жадно впивались в темноту. Шопотом совещались, что делать: обойти стороной по высокому берегу, подкрасться и выследить всех.

Вдруг из кустов к ним шагнула высокая фигура. Это был Калли!

— Пусть Красные не боятся Калли! — зашептал он.

Калли закидали вопросами.

Первый муж Баллы еле успевал отвечать.

Там Куолу!.. С ним еще пять и два. Калли назвал всех по имени. И женщины там. Их стерегут. Дурного им не делают. Угощают, а они не едят...

Куолу сердит: Балла убежала. Зачем Калли ее не привел? Хотел убить. Потом прогнал. Велел искать и привести. Если Балла не придет, он убьет ее ребенка, изжарит на костре, а уголья бросит в реку. Пусть Балла идет в жены к Куолу, тогда он ничего плохого не сделает Курру.

Балла заплакала, закрыв лицо ладонями.

Уа положил ей руку на плечо.

— Не плачь, Балла! Уа не боится Куолу. Он убьет его!..

Волчья Ноздря только зарычал и заскрипел зубами. Ао вместо слов поднял копье. Один Улла трусливо оглядывался. Он не перестал бояться колдуна. Калли смотрел на приятелей и удивлялся.

— Вот какие! Колдуна не боятся!..

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ПОСЕЛКЕ

Когда Красные Лисицы с женами ушли из поселка, все Чернобурые только обрадовались. Думали, что беглецы ушли к Красным. Отлично! Куолу больше не будет гневаться на Чернобурых. Колдун пришел через два дня. Кричал, требовал Канду, грозил всех убить. Ему показали пустые шалаши беглецов и сказали:

— Они ушли к Красным Лисицам.

Через несколько дней он явился к Красным. Он был в своем колдовском наряде: в расшитой разноцветными шкурками шубе, меховом колпаке, в ожерельях.

Оттуда вернулся лютое волка. Чернобурые обманули его. Он этого им не простит. Они узнают, как обманывать Куолу. Наругавшись, он швырнул палкой в Каху и разбил лицо камнем старику Фао. Затем перешел через овраг и на глазах у всех махал на поселок волосатыми руками, кидал камни, подбирал с земли песцовый помет и бросал его в ручей. Колдун скинул с себя меховой колпак, обшитый звериными хвостами. Он веял им по воздуху, хмурил брови и бросал злые взгляды на землянки.

Все поняли: Куолу нагоняет „злой ветер“. В этом ветре отравы, его ярость и колдовство!

И нужно же было так случиться: трое суток после того не переставал дуть южный ветер. Он принес жаркий воздух, несметные тучи комаров и надоедливых мошек. Ни днем, ни ночью они не давали покоя.

Ветер дул со стороны становища Куолу. Он гнал по реке черную зыбь, крутил в воздухе листья. В каждом порыве ветра Чернобурые чуяли вражью силу и удары его заклятий. Все складывалось в пользу колдуна.

С теплым ветром прилетели маздоки. Маздоки — это те, которые терзают людей. Они наводят на них болезни и самую смерть. Колдун натравливает их на своего врага. Маздоки накидываются на его внутренности, сосут его сердце, грызут голову, ломают суставы.

На этот раз Куолу выпустил „маздоков живота“. Маздоки напали на старого и малого. Не щадили никого: ни женщин, ни охотников, ни детей.

Умерло два старика и одна старуха. Слег старый Фао. У рыжей Уаммы заболел второй ребенок. Охота была из рук вон неудачной. Не видно было ни оленей, ни диких лошадей.

В лесу исчезли зубры и туры.

— Одолевает Куолу!

Охотники сидели на берегу, опустив руки.

— Колдун не дает охоты!

В довершение всех бед заболела сама Каху. Это была явная гибель. Если Куолу сильнее Матери-матерей, то где же искать защиты? Больной Фао послал звать стариков и охотников.

— Плохо! Куолу убьет все становище, — говорил он: — пусть охотники отведут к нему самых молодых женщин! Возьмет молодых — перестанет сердиться!

В тот же день целое посольство — все охотники и женщины — пошло к Куолу с дарами просить пощады. Куолу злорадствовал — Чернобурые признали его власть! Он долго ломался, гнал от себя прочь, плевал на подарки, кидал на землю ожерелья. Наконец, смиловившись: надел ожерелья, принял дары, оставил у себя пригожую Ши. Ожерелья ему понравились. Он улыбнулся, но тотчас же спохватился, нахмурился и сказал:

— Приду пировать и мириться!

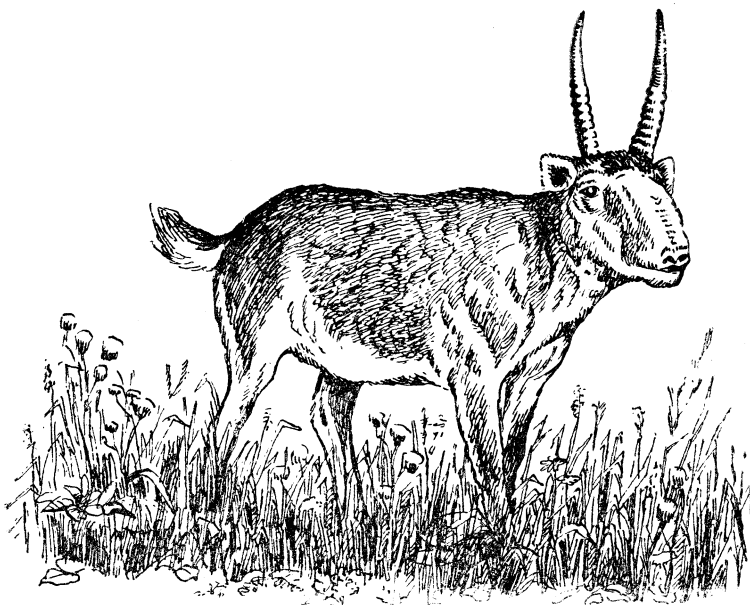
Охотники из сил выбивались три дня, пока разыскали сайгу и двух зубрят.

Куолу пришел со всеми женами. Теперь он первое лицо: что захочет, то и будет! Три дня обжирался мясом, издевался над женщинами, бил ребят, куражился над охотниками, оскорблял больную Каху. На четвертый день приказал мужчинам итти и разыскивать беглецов! Узнать, где прячутся Канда и Балла, и сейчас же донести ему.

Две недели поиски были напрасны: охотники возвращались ни с чем. Куолу бесился и снова посылал искать. Наконец, вернулись двое и принесли важное известие. В поселке Лесных Ежей им рассказали, что Ежи видели людей. Люди шли по низкой стороне. Их было много: пять пальцев и два. Четыре охотника и три женщины. Одна несла за спиной ребенка. Шли туда, откуда течет Большая река. Шли вечером, прятались за кусты; видно, боялись, что увидят.

Утром Ежи перебрались на ту сторону. Хотели узнать, что за люди, но ничего не узнали. С тех пор прошло много дней. Месяц родился и умер, опять родился и опять умер... Так говорили Ежи.

На другой день Куолу отобрал восемь самых сильных охотников, и сам пошел с ними отыскивать Канду и Баллу.

Перед походом Куолу колдовал. И теперь все сделалось, как он хотел: отыскал беглецов и Канда у него.

Калли рассказывал:

— Канда не боится Куолу. Когда он схватил ее у костра, она сдернула с него колпак и расцарапала ему щеки. На стоянке он велел привязать Канду к дереву. Когда Куолу подходит к ней, она плюет на него и скалит зубы, как волк. Куолу боится ее.

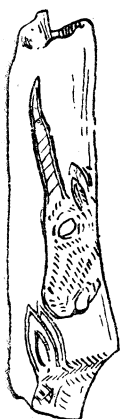
В это время громкий смех прервал Калли. Ао скакал на месте, хлопал в ладоши и, как ребенок, захлебывался от радости.

— Канда, Канда! — кричал он. И ноги его выплясывали веселый танец.

Ноздря кинулся к нему, ладонью зажал рот и сердито зашипел:

— Молчи! Услышат!

— Канда не боится, — смеялся Ао. — Она ела сердце хуммы, там, у Великого льда.

— Все ели!—прибавил Уа.—Куолу ничего нам не сделает.

— И наша Мать-матерей, Ло, сильнее вашей Каху,—прибавил Волчья Ноздря.— Она нам поможет.

Лицо Калли сияло. Ао вынул статуэтку Ло и положил на землю. Все Красные стали шопотом просить покровительницу их рода помочь победить колдуна и спасти женщин.

— Теперь идем!—сказал Ноздря. И все шестеро стали спускаться с кручи.

В лагере все спали; спали и сторожа возле привязанных женщин. Из кустов тихо вышел Калли и подошел к дремавшему Куолу.

— Балла пришла,—прошептал он на ухо колдуну.

Между двумя кустами лозняка стояла и улыбалась Балла. Колдун захихикал и поднялся с земли. Кривляясь и приплясывая, приближался он к Балле. А она, смеясь, пятилась назад в кусты. Вдруг страшный удар по затылку свалил его с ног. Это Уа ударил его тяжелой палицей. Куолу упал, но тотчас же поднялся. Он выхватил из-за пояса костяной клинок, похожий на веретено, и бросился на юношу. Но в это же время Ао и Волчья Ноздря с двух сторон вонзили в него копья, и колдун опрокинулся навзничь. Улла в стороне со страхом смотрел на молчаливую схватку.

Что же будет теперь? Отсохнут руки у Ноздри, Уа, у Калли и Ао?

Нет! Руки не отсохли, и колдовская сила никого не поразила. Куолу был мертв!

Калли будил Чернобурых... Все произошло так быстро и тихо, что никто ничего не слышал. Улла и Ао бросились развязывать пленниц. Балла схватила своего голодного Курру, который несколько часов провисел в мешке на дереве.

Чернобурые протирали глаза. Они сначала ничего не могли понять. А когда поняли и увидели, что Куолу лежит и не дышит, стали кричать и смеяться. Все радовались, точно с них свалилась каменная глыба. Больше колдун не будет их мучить. Красные были на Великом льду. Они ели сердце хуммы. Они перестали бояться колдуна и убили его!

Ноздря сторожил тело Куолу. По его приказу стали кидать в костер сухие ветки. Скоро пламя поднялось высоким снопом. Золотые искры летели вверх до верхушек елок.

Колдуна нельзя было оставлять лежать и нельзя хоронить, как других. Его тень целый год так же опасна, как и сам колдун. Только огонь мог его обезвредить.

Когда костер разгорелся, Уа с Ноздрей подняли колдуна под руки и поднесли к огню. Тень колдуна тянулась за ним по траве. Она была еще жива. Она трепетала и шевелилась!

Сильным толчком Куолу бросили в самую середину огня и закидали валежником. После Калли с жаром рассказывал всем: он ясно видел, как тень Куолу вспыхнула, словно сухая трава. Колдун сгорел вместе со своей тенью. Ветер подхватил дым и понес его к Великому льду.

Когда взошло солнце, от колдуна остались одни угольки. Их и пепел бросили в реку.

Власть колдуна погибла. Красные и Чернобурые долго плясали вокруг костра. Они пели про огонь, который проглотил страшную тень, пели и про славных матерей Каху и Ло, которые одолели злые чары Куолу.

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ

Тупу-Тупу был на реке с рыболовным копьём в руках. Он стоял на большом известковом камне, торчавшем из воды.

Тупу-Тупу сам выточил из мамонтовой кости острый наконечник рыболовного дротика. Он делал его, как художник. Он любил его. Оттачивая острие, он приговаривал ему ласковые слова. Он внушал ему хорошо служить свою службу. И весь дротик, и прямое древко, и костяной наконечник не обманут ласкового Тупу-Тупу. Всякая вещь любит, чтобы с ней хорошо обращались. Может быть, Тупу-Тупу оттого и был лучшим мастером поселка, что был ласков с вещами. Да, он знал слова, которые нравятся, и умел их говорить. Оттого и оружие, сделанное его руками, работало на-славу.

Вот и теперь... Длинная щука хотела было прошмыгнуть незаметно между двумя камнями. Но дротик Тупу-Тупу молодецки пригвоздил ее к песчаному дну. Щука была тяжела. Тупу-Тупу с трудом поднял ее на воздух, она отчаянно хлопала хвостом о древко копья и разевала зубастую пасть. Она рвалась и билась, но заговоренный наконечник знал свое дело: он ее крепко держал. Рыба была поймана, и Тупу-Тупу с усилием сбросил ее на берег.

С тех пор, как Куолу увел с собой восемь сильных охотников, Тупу-Тупу почти забросил свою мастерскую.

Кроме него, оставалось только пять плохих охотников. А в поселке было еще не мало людей: дети, матери, старики и старухи и сама больная Каху. Всех их нужно кормить. Все они хотели мяса.

Хромец Тупу-Тупу выбивался из сил. Ходить далеко ему было трудно. Зато он хорошо умел подстергать зверей возле водопоев, мастерить хитрые ловушки на птиц и на зайцев и метко бить рыбу. Правда, старики и старухи плевались, но все-таки рыба была большим подспорьем для остальных.

В этот раз вместе с ним на берегу были двое подростков. Вдруг один из них вскрикнул и показал рукой вверх по течению. Там, из-за поворота реки, выплывало что-то длинное и большое. Это были плоты. Их было четыре и на них виднелись люди. На каждом стояло по два гребца. Они упирались шестами в дно реки и управляли движением неуклюжей флотилии. Плоты несло вниз. Последнее время шли обильные дожди, и вода прибывала. Где-то там, на севере, усиленно таяли ледники, и речные потоки становились

полноводнее и быстрее. Начинался осенний паводок, и река тащила немало смытых с речных берегов бревен. Из этих пловучих деревьев и были связаны плоты¹⁾.

Что за люди плыли сюда? Враги или друзья?

Тупу-Тупу вместе с мальчиками спрятались в береговые кусты. Наконец, один из мальчиков рассмеялся.

— Калли! Там впереди Калли!

На переднем плоту ясно выделялась богатырская фигура Калли. Понемногу стали узнавать и других. А вот и женщины. Тупу-Тупу вышел из-за кустов. Плоты стали причаливать к берегу. На заднем плоту лежали убитые звери. Все ясно: Куолу возвращается домой. Он везет пленников, новых жен и добычу: оленя, две сайги, кабана с оскаленными клыками.

Но где же сам колдун? Его нигде не было видно.

Мальчики стрелой помчались в поселок рассказать о возвращении охотников.

— Где Куолу? — спросил Тупу-Тупу, когда Калли шагнул на прибрежные камни.

Громкий смех был ответом. Веселы были все, кто вернулся. Убежавшие женщины и их мужья не похожи были на пленников. Начались разговоры. Разом кричали все, смеялись, перебивали друг друга.

Из всех криков Тупу-Тупу только и понял одно: Куолу больше нет! Ао убил его. Пламя костра съело его вместе с тенью. Бояться некого. Конец всем бедам и страху перед колдуном!

Когда дети и женщины поселка гурьбой спустились к реке, они застали на берегу веселую пляску приехавших. Быстро вертелся танцующий круг. Весело размахивая копьями, подпрыгивали вверх охотники. Громко кричали художник Ао, Улла и молоденький Уа.

Но всех веселее, хоть и нескладно, топтался на месте оружейный мастер, хромой отбивальщик кремней, Тупу-Тупу.

¹⁾ Челноки и лодки люди выучились делать много позднее. Следы их находят в так называемую мадленскую эпоху. Но связать попарно стволы, плывущие по реке, было не так хитро. Таким приспособлением люди должны были пользоваться для переправы задолго до изобретения лодок.

ОБЛАВА

После смерти Куолу Чернобурые зажили довольной и сытной жизнью. В окрестностях появились стада оленей. Это были осенние гости, возвращающиеся из холодной тундры. Охотники подстерегали их на переправах и приходили в поселок с богатой добычей. С первым снегом легче было выслеживать и других крупных зверей. Изредка удавалось отбивать от стада туров телят и молодых туриц. Каждый день обходили ловушки и волчьи ямы, в которые этой осенью попало несколько косуль.

С холодами в поселках все стало по-иному. Женщины из шалашей перешли в материнские землянки вместе с детьми и подростками. Мужчины проводили много дней на охоте, а когда возвращались, жили в доме охотников. Вход к матерям теперь разрешался только старикам. Ао, Улла и Волчья Ноздря вернулись в свое становище Красных Лисиц и охотились вместе со своими.

Незадолго до снегопада к Чернобурым пришли гонцы от Красных — звать их на совместную охоту. Они выследили большое стадо хуммов. Ловушка для них давно готова. А для загона чем больше людей, тем лучше. После охоты — общий дружеский пир.

— Вместе гнать, вместе есть!

Первый снег — лучшее время для всякой облавы. В назначенный день оба поселка сошлись на берегу у большого костра и двинулись в лес за Вольчей Ноздрей и другими разведчиками. Четыре старика тащили на носилках тяжелый кузов, обмазанный внутри слоем глины. В кузове были насыпаны горячие уголья и головешки из общего костра. Старики несли его степенно и шопотом бормотали магические слова.

В лесу было светло и тихо. Ветер давно сорвал с деревьев пожелтевшие листья. Снег устал землю пухом пороши. Воздух был чист и спокоен. Копытные звери затаились где-то по темным чащам. Олени и косули старались поменьше оставлять после себя следов. Только мамонты и носороги никого не боялись. Они бродили по лесам и топтали тумбами ног давно пробитые тропы.

В этот день мохнатые хуммы паслись на горелой поляне. Ветви деревьев спускались здесь по опушке до самой земли. Из-под тонкого снежного слоя торчали стебли трав и голые кустарники. Хуммы лениво шагали вдоль опушки. Слонята

объедали низенькие кусты. Их грузные родители ломали толстые сучья.

Вдруг все стадо пришло в движение. На другой стороне поляны закурились ряды сизых дымков. Послышался треск загоревшихся сучьев. В одном месте желтое пламя охватило высокий можжевельниковый куст.

Огонь — самое страшное для зверей. Его боятся сильнейшие владыки лесов. Лесной пожар — это ужас всего живого. От него надо уходить и уходить как можно скорей.

Хуммы ощетинили гривы своих горбов и насторожили огромные уши. Сомнения нет: за огнями скрываются двуногие. Запах их кожаных одежд доносится вместе с туманом огненной гари. Старые хуммы сразу учуяли беду. Они видели, как желтые языки огня разгораются полукругом с трех сторон поляны. Только одна сторона еще свободна от огней и подозрительных запахов.

И вот старый вожак издает призывной сигнал и стремительно направляется к тропинке. За ним втягивается в лес вереница остальных великанов. Мохнатые слоники подталкивают хоботами слонят. Сильные клыкастые самцы замыкают шествие. Сзади слышится гул людских голосов. От вереницы зажженных костров через поляну перебегают толпы охотников. Они бегут с пылающими смолистыми сучьями.

Одни из них зажигают заранее заготовленные у опушки кучи валежника. Другие шагают дальше по слоновой тропе следом за уходящим стадом. Все они кричат, сколько хватает сил, колотят палками по стволам деревьев. Подростки, мальчишки визжат и свистят. Здесь — взрослые охотники и вся молодежь обоих селений. С ними вместе и более крепкие старики, и молоденькие бездетные женщины, и девушки-невесты. Даже хромой Тупу-Тупу, подскакивая на одной ноге, старается не отставать от остальных.

Клыкастый вожак вел за собой стадо великанов. Он ломал мимоходом сухие ветви. Упавшие стволы трещали под его тяжестью. Уши его шевелились. Он слышал сквозь топот шагов своей родни крикливый гомон человеческой толпы. Ненавистный запах дыма гнался за ним по пятам.

Всякий раз, как крики и шум становились назойливее, задние хуммы топорщили уши и прибавляли шаг.

Еловый лес кончался и переходил в высокий сосняк. В этом месте было особенно много навалено стволов, опрокинутых ураганом. Кое-где они лежали огромными кучами.

Хуммы проходили между двумя такими горами деревьев. Вдруг вожак остановился.

Путь был прегражден. Несколько елок лежали поперек, одна на другой. Вожак внимательно осмотрелся кругом. Выйти из тупика можно было только направо. Здесь оставался узкий проход. Он вел на старую, заброшенную тропу, с обеих сторон огороженную жердями.

Слонохы напирала на нерешительного вожака. Задний отряд самцов теснил среднюю часть стада.

В это время свист, крики и глухие удары дубинами по стволам стали раздаваться с новой силой. Толпа явно приближалась. Запах горячей смолы усиливался. И вожак с шумом ринулся через проход направо. За ним хлынули остальные. Здесь начинался уже более редкий сосняк, и сквозь него виднелся просвет оврага.

Вожак вышел на ровную площадку, обнесенную с двух сторон довольно высоким валом. Но не успел он сделать по ней и двух шагов, как вдруг площадка затрещала и рухнула под тяжелым зверем. С ним вместе полетели вниз жерди, сучья, валежник, еловые лапы, комья снега и шагавший рядом годовалый слоненок.

Упавший мамонт испустил потрясающий вопль. Невыносимая боль исторгала из него неслыханные звуки. Что-то острое вонзилось в глубину его внутренностей. Он упал так неловко, что задние ноги его еще не опустились на землю, а передние подогнулись, и он никак не мог встать на все четыре ноги.

Перепуганное стадо разделилось на два потока и с треском ломилось через чащу по обе стороны ловушки. Свист и крики подростков, рычание мужчин и визги женщин становились все громче и все сильнее пугали зверей. Как бурная лавина, понеслись к берегу Большой реки потерявшие рассудок хуммы, ломая все по дороге.

ИСТОРИЯ ЛОВУШКИ

Ловушка, в которую попали большой и малый хуммы, имела длинную историю. Она строилась много лет. Ее начали делать еще деды теперешних Красных. Сначала на этом месте была небольшая яма. Это была ловушка на малых зверей. В нее ловились лисицы и россомахи, детеныши косуль, иногда зайцы-беляки. Яма была узкая. Глубина ее была не

больше человеческого роста. Такие ямы охотники поселка делали в разных местах. Но это была „счастливая“ яма. Охотники поставили ее на звериной тропе при начале оврага. Здесь проходил путь из глубины леса к берегу реки. Грунт был легкий для рытья. Дождевая вода не застаивалась в ней. Она уходила в овраг сквозь пористую толщу песка. Охотники прикрывали ее тонким настилем хвороста и маскировали слоем гнилых листьев, мхов, лишайников.

Не проходило года, чтобы ловушка не дарила поселку по нескольку пойманных зверей. После каждой поимки ловушку нужно было поправлять и налаживать снова, вынимать осыпавшуюся землю. Песок рыли палкой, сгребали в кожаные мешки и подавали их тем, кто стоял наверху. С каждым годом яма делалась шире и глубже. В нее начали проваливаться взрослые косули, молодые олени, телята туров и бизонов. Летом это случалось реже. Зимой, когда снег покрывал все следы людей и искусственную настилку, ловушка после снегопада работала отлично. Охотники приписывали свои удачи не тому, что хорошо было выбрано место. Они думали, что настоящая причина—искусное заклинание, магические танцы, бормотание старух и колдовские рисунки на стволах деревьев. Так верили старые. Так верили и молодые. Лет тридцать назад в ловушку провалился старый зубр. Он упал вниз головой, а ноги торчали кверху. Ловушка была так узка, что зубр не мог в ней перевернуться. Он дико ревел и бил задними ногами. Края ямы осыпались от ударов копыт. Люди, прибежавшие на рев, нашли его полузасыпанным песком. Они истыкали его сверху копьями, и бизон издох от потери крови. С этих пор яму пришлось сильно расширить и углубить. В следующие годы в нее стали попадать взрослые олени, туры и бизоны. Один раз провалился самец гигантского торфяного оленя. Он обвалил рогами груды песка, встал на дыбы и выпрыгнул из ямы на глазах у охотников. С тех пор яму сделали еще шире и глубже.

Художник Фао, который тогда считался лучшим ловцом, придумал новый способ—вкапывать в дно ямы крепкое копьё. Потом стали ставить туда заостренную жердь, чтобы на нее натыкались звери. Однажды в ловушку свалился грузный носорог. Как щепку, переломил он еловую жердь. После этого Красные притащили целое бревно, срезанное

бобрами. Обуглили его конец на огне, остругали кремневыми ножами. Это страшное орудие прочно и глубоко вкопали в дно. Звери чуяли ловушку и обходили стороной по новой тропе. Но охотники перед загоном придумали загораживать обходную тропу стволами и направлять добычу по старому пути. Три года подряд в ловушку падали молодые хуммы.

КОНЕЦ УЛЛЫ

Вожак ревел и бушевал в яме, как ураган. С трудом удалось ему подняться на ноги. Он топтал провалившиеся бревна. Они ломались под ним, как хрупкие спички. Он швырял хоботом хворост и песок. Он пытался подняться на дыбы. Огромные дуги его клыков врезались в края ловушки. Они мешали ему еще больше, чем острое бревно, пропоровшее ему брюхо. Охотники кричали и визжали кругом, как безумные. Великан был в плену, но и в плену он был ужасен! В голову зверя полетели копыта и камни. Пленник яростно трубил, шерсть на загривке щетинилась, белки наливались кровью.

Ао набрал песку и швырнул в глаза хуммы, но тот зажмурился и заряд пропал даром. В это время с горстями песку выскочил вперед Улла. Он взобрался на вал поближе к зверю. Вдруг ноги его поскользнулись, и он неожиданно съехал к самому краю ямы. Огромный хобот чудовища опустился на врага и сбросил его на дно.

Визг женщин прорезал воздух. Охотники отпрянули прочь и на мгновение замерли. Был слышен только нечеловеческий вопль Уллы. Крик оборвался, когда его ребра затрещали под тяжелой звериной стопой.

Толпа очнулась, и новый взрыв криков, визга и рева раздался по лесу.

В зверя опять полетели копыта и камни. Уа сорвал свою сумку, набил ее песком и плеснул им в клыкастую голову хуммы. На этот раз вышло удачнее. Хумма зажмурился и больше не поднимал тяжелых век. Теперь он только ревел и яростно мотал хоботом.

Ао вытащил из мешка белую статуэтку Матери-матерей и высоко поднял ее в воздух. Все замолчали.

— Мать-матерей, помогай нам!

Люди сцепились руками, и вокруг ловушки медленно закружился хоровод...

Старый хумма издох на другой день. Острый кол глубоко вьелся в его брюхо. Маленький слоненок был задавлен ногами большого. Несчастный Улла был расплюсчен под передней частью туши. Когда быстроногие гонцы примчались звать женщин и детей на пиршество, Балла выслушала весть о смерти Уллы равнодушно. С тех пор, как осенью Улла ушел домой, а Балла вернулась в зимнюю землянку, она уже не считала Уллу своим мужем. Семейная жизнь их кончилась с первыми морозами. К тому же она давно охладела к нему. Она не могла забыть, что Улла оказался боязливее всех, и от колдуна ее спасли другие. Она все думала, как Уа, этот смелый мальчик, первым бросился на страшного Куолу. А Улла, ее муж, не мог избавиться от заячьей трусости перед колдуном. С возвращением в землянки женщины знали только своих детей. До весенних игр мужчины были для них только охотниками и добытчиками мяса.

Вместе с детьми и стариками, во главе с Каху, женщины Чернобурых двинулись к ловушке. Это было настоящее переселение с мешками и домашним скарбом. Возле пойманного хуммы собрались жить прочно и надолго. Еды должно было хватить на много дней. К тому же за это время могла попасться новая добыча. Рядом в овраге были давно уже вырыты охотничьи землянки. Их нужно было только осмотреть и поправить. Около мамонта выросло временное становище.

Два охотничьих племени уживались вполне дружелюбно. Ведь они были соседями и принадлежали к тем родам, ко-

торые заключают между собой брачные союзы. Женщины их брали себе из соседнего поселка мужей, а охотники — жен.

И на этот раз мясо убитого хуммы должно было одинаково насыщать и Красных и Чернобурых. Только шкура и драгоценные бивни пойдут во владение строителей ловушки.

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Перед началом пира встретились Ло и Каху.

Ло, Мать-матерей Красных, была могучая и большая старуха. Она была на целую голову выше маленькой Каху. Перед началом пира обе должны были произносить заклинания. Съесть старого хумму не такая простая вещь. Силен хумма, сильна и его тень. Месть страшного двойника может быть ужасна. Ее нужно заговорить прежде всего. В то время, как мужчины возились около слоновой туши, обе старухи начали свои заклинания в самой теплой из землянок, куда их привели матери обоих поселков. Посреди землянки ярко горит огонь. Серый дым стелется под потолком и выходит в верхнюю дыру.

В землянке душно, жарко и сыро. Обе старухи перед пламенем костра наперебой бормочут малопонятные слова. Обе они без одежд, как и все находящиеся с ними матери. Они сидят на разостланных шкурах или стоят на коленях, потому что в низкой землянке дым режет глаза всякому, кто попытается встать во весь рост. На головах у обеих меховые шапочки, лица опущены вниз. Время от времени они берут пучки рыже-бурых волос хуммы и бросают их в священное пламя. Кончик слоновьего хвоста лежит между ними и огнем. В этом кусочке хвоста вся сила побежденного мамонта и его тени. И заклинательные слова, сказанные над ним, должны обезвредить и устранить все злые и мстительные замыслы. Каху направляет свои заклинания на Лесных Ежей. Ло — в сторону враждебных Вурров. По окончании обрядов хвост сжигается на костре. Землянка наполняется удушливой гарью горящего волоса и кожи. Все женщины спешат одеть меховые рубахи и вывести очумевших от дыма старух на воздух. Возле ловушки обряд заканчивается, и начинается пир.

Перед началом пира в неглубокую могилу опускают Уллу и с ним вещи, которыми он владел. В яму кладут его копье, кремневый нож и булыжную палицу. Балла возвра-

даст ему ожерелье, которое он надел на нее весной. Сюда же опускают рог, из которого он пил, и сумку, с которой ходил на охоту. В заключение ему первому вкладывают в руки кусок мяса хуммы, чтобы он не завидовал пирующим. После этого его торопливо засыпают песком, чтобы его тень-двойник, которая, конечно, сейчас занята угощением, осталась в могиле и не вмешивалась в дела живых. Как только могила засыпана, все вздыхают с облегчением и сейчас же забывают об умершем. Целый год после имя Уллы никто не будет произносить вслух, чтобы тень его не проснулась и не вышла из могилы.

Пир начинается угощением обеих заклинательниц. Им дают немного замерзшей крови и кусочек хобота, чтобы сделать еще могущественнее силу их заклинаний.

Мужчины спускаются в ловушку и выносят оттуда вырезанные куски жирного горба мамонта. Они делятся салом с женщинами и детьми. Большинство сидят рядом со своими летними женами: огромный Калли — с маленькой Ши, Ао — с Кандой, Ноздря — с блистательной Цакку, на подбородке которой попрежнему сияет перламутровый кружочек. Выросший и возмужавший Уа тоже получает хороший кусок. Он ищет кого-то глазами и подходит к красивой Балле, которая сидит в сторонке со своим мальчиком на руках. Они делят по-братски куски мяса. Балла голодна и ест с большим удовольствием. Оба смеются, и обоим хочется сказать очень много. Балла думает о том, что после зимы опять будет тепло, и, когда начнутся весенние игры, она хотела бы бегать с Уа. Уа думает о том же. Но они молчат. У них мало слов, чтобы сказать все, что приходит на ум.

Зато глаза их говорят лучше их бедного языка!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В повести «Охотники на мамонтов» изображена жизнь первобытных людей древнекаменного века в эпоху, которая называется в науке серединой «верхнего палеолита», т. е. около 20—25 тысячелетий тому назад. Автором взят наиболее интересный период каменного века, когда организовалось родовое общество, появлялись более прочные оседлые поселения, создавались обычаи и обряды, возникали первые основы идеологии, когда стало развиваться искусство. Это время характеризуется также большими изменениями, происшедшими в природе в связи с отступанием ледника на север. С потеплением климата меняется растительный и животный мир. Разнообразию и обилию дичи и растительной пищи давали возможность подолгу жить на одном месте.

Основой повести автору послужил археологический материал, добытый археологами посредством раскопок. На стоянках первобытного человека постепенно скапливались различные отбросы: кости животных, остатки углей и золы, от разведившихся здесь костров, осколки камня, употреблявшегося для изготовления орудий и т. п. Среди этих отбросов нередко находят потерянные орудия и другие изделия человека того времени. Если, в случае какой-либо опасности, жителям приходилось быстро покинуть стоянку, то на месте оставалась брошенная почти вся утварь. Покинутое становище зарастало травой, заносилось песком, наносимым ветром, или покрывалось глинистыми отложениями, принесенными внешними водами или реками, поблизости от которых обыкновенно жили древние люди. Так образовались, в течение многих десятков тысячелетий, наслоения, сохранившие в себе остатки первобытной культуры. Эти наслоения в археологии называются «культурными слоями». При раскопках их находят предметы, сделанные из прочного материала — камня и кости. Среди них есть охотничьи орудия — наконечники стрел, дротиков и гарпунов, орудия домашнего обихода — кремневые ножи, костяные иглы и шилья, скребки, употреблявшиеся при обработке шкур и деревянных изделий, например, древок стрел и др. Есть и орудия для художественного мастерства — резцы, применявшиеся при резьбе по кости, наконец, и самые предметы искусства — статуэтки из мамонтовой кости, изображающие женщин, костяные пластинки с резными узорами и украшения из звериных зубов.

От палеолитической эпохи дошли до нас не только изделия человеческих рук, но и остатки костей самого человека. Найдены человеческие скелеты, захороненные на месте первобытных стоянок. По ним можно представить себе физический облик древнего человека, так как по своим пропорциям и толщине костей палеолитические скелеты подобны современным.

Палеолитические стоянки открыты во многих странах. Есть они и в нашем Союзе — в Крыму, на Кавказе, на Украине, в Белоруссии, Горьковском крае, Воронежском и др. местах. Автором повести, главным образом, использован большой материал, происходящий из раскопок близ селений Костенки и Борщево на реке Дон в Воронежском крае.

У села Костенки еще в 18-м веке, в 1769 году, по описанию академика Гмелина, были замечены громадные скопления костей мамонта в песчаных отложениях реки Дон. Через сто с лишним лет по поручению Академии наук место около села Костенки было обследовано И. С. Поляковым, который произвел здесь первые раскопки. После него в Костенках побывало много археологов. Самые большие раскопки были произведены польским ученым С. А. Круковским и русским ученым П. П. Ефименко. В результате раскопок из земли были добыты кремневые орудия (много сотен экземпляров) и костяные изделия. Среди последних особенно интересны женские статуэтки. Кроме того, П. П. Ефименко при раскопках удалось обнаружить основание обширного жилища, имевшего в длину 15 метров, внутри которого находились очаги и ямы. Одни из ям, по мнению Ефименко, повидимому предназначались для жарения мяса, другие для хранения хозяйственных запасов. На стоянке найдены были кости мамонта, дикой лошади, северного оленя, песца, волка, медведя и зайца, на которых охотились первобытные люди.

У села Борщево была открыта С. В. Замятниным еще одна стоянка, на которой, кроме мамонта, представленного громадным количеством костей, найдены были кости носорога, куницы и рыси. Материалы, добытые раскопками, обычно обрабатываются учеными и затем хранятся в музеях¹⁾.

Соответственно своему значению в науке, эти материалы изучаются геологами, археологами, антропологами и палеонтологами. Геологи изучают слои земли, в которых залегают остатки первобытной культуры, и определяют не только время отложения этих слоев, но и геологическое и климатологическое окружение древнего человека. Археологи, занимаясь изучением древних предметов, определяют назначение и время существования их. Путем сопоставления отдельных предметов и комплексов их с употреблявшимися еще в недавнее время предметами у малокультурных народов, например, австралийцев, эскимосов и др., археологи определяют и назначение и способ употребления орудий, давно забытых нами. С помощью той же этнографии восстанавливается структура общества, состояние

¹⁾ Коллекции из раскопок в Воронежском крае хранятся в Ленинградском музее Антропологии и Этнографии Академии наук, в Московском государственном историческом музее и Воронежском музее краеведения.

материальной культуры, техника изготовления орудий и т. п. Антропологи, изучающие человеческие кости, воссоздают давно вымершие человеческие расы, судя по костям не только о физическом строении человека, но и об его умственном развитии: по строению черепа заключают об объеме мозга, его извилинах; по нижней челюсти — подбородочному выступу — о развитии речи и т. д. Палеонтологи, изучая кости животных, реконструируют различные виды вымерших диких животных, например, мамонта, шерстистого носорога, первобытного быка, и определяют вообще состав первобытной фауны.

Обработанный учеными таким образом археологический материал был использован автором повести «Охотники на мамонтов», которая должна рассматриваться не только, как художественный вымысел, но и как попытка в литературной форме представить давно исчезнувшее первобытное общество, существовавшее на территории Воронежского края в эпоху палеолита древнекаменного века.

ПОЯСНЕНИЯ К РИСУНКАМ

- Стр. 4. (верхний рис.). Голова охотника в кустах.
» 4. (нижний рис.). Два молодых охотника.
» 6. Статуэтка женщины. Скульптура доисторического человека.
» 6. Кремневый наконечник для копья. Изделие доисторического человека.
» 7. Изображение мамонта на стене обрыва.
» 11. Изображение бизона. С рисунка доисторического человека.
» 12. Челюсть мамонта.
» 13. Стадо мамонтов.
» 20. Изображение носорога. С рисунка доисторического человека.
» 22. Изображение жилища. С рисунка доисторического человека.
» 23. Песцы.
» 26. Ледниковый ландшафт.
» 33. Магический танец. С рисунка доисторического человека.
» 37. Изображение стада оленей. С рисунка доисторического человека.
» 38. Изображение оленей. С рисунка доисторического человека.
» 40. Кремневый резец. Изделие доисторического человека.
» 44. Ожерелье. Изделие доисторического человека.
» 47. Колдун Куолу.
» 50. Пещерный медведь.
» 52. Изображение медведя. С рисунка доисторического человека.
» 57. (верхний, средний и нижний рис.). Подвески. Изделие доисторического человека.
» 59. Испытание Уа (добывание огня).
» 63. Детское погребение.
» 65. Приготовление каменных орудий.
» 66. (верхний рис.). Кремневый наконечник для копья. Изделие доисторического человека.
» 66. (средний рис.). Кремневый нож. Изделие доисторического человека.
» 66. (нижний рис.). Кремневый скребок. Изделие доисторического человека.
» 67. (верхний рис.). Кремневый нож. Изделие доисторического человека.

- Стр. 67. (средний рис.). Кремневая проколка. Изделие доисторического человека.
- » 67. (нижний рис.). Кремневый скребок. Изделие доисторического человека.
 - » 70. Костяной нож. Изделие доисторического человека.
 - » 71. (верхний рис.). Амулет. Изделие доисторического человека.
 - » 71. (нижний рис.). Костяная игла. Изделие доисторического человека.
 - » 72. Носорог.
 - » 74. Изображение медведя. С рисунка доисторического человека.
 - » 75. Изображение бизона с нанесенными на нем магическими знаками. С рисунка доисторического человека.
 - » 76. Головы оленей. С рисунка доисторического человека.
 - » 77. Олени на водопое.
 - » 78. (верхний рис.). Изображение мамонта. С рисунка доисторического человека.
 - » 78. (нижний рис.). Костяное украшение. Изделие доисторического человека.
 - » 79. Костяное украшение. Изделие доисторического человека.
 - » 80. (верхний рис.). Статуэтка женщины. Скульптура доисторического человека.
 - » 80. (нижний рис.). Костяное украшение с изображением головы лисицы. Изделие доисторического человека.
 - » 81. (верхний рис.). Изображение рыбы. С рисунка доисторического человека.
 - » 81. (нижний рис.). Изображение утки. Скульптура доисторического человека.
 - » 84. Овцебык.
 - » 85. Изображение зайца. С рисунка доисторического человека.
 - » 87. (верхний рис.). Костяное украшение с изображением куро-патки. Изделие доисторического человека.
 - » 87. (нижний рис.). Куропатка.
 - » 88. Изображение оленей. С рисунка доисторического человека.
 - » 90. Изображение медведя. С рисунка доисторического человека.
 - » 96. (верхний рис.). Сайга.
 - » 96. (нижний рис.). Изображение головы сайги. С рисунка доисторического человека.
 - » 99. Возвращение на плотках.
 - » 106. Охота на мамонта.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Следы лесных великанов	3
Преследование	8
Чего боялись хуммы	11
Куда пошли хуммы	14
Куолу	17
Неожиданная встреча	20
Утро в поселке Чернобурых	22
В землянке Уаммы	25
Художник Фао	29
Магический танец	32
Облава	35
Пир	39
Приглашение на праздник	42
Опять Куолу	44
Вурр	48
Игры победителей	51
Что снилось Ао	55
Лесные свадьбы	56
Испытание Уа	58
Заговор против красных	61
В мастерской Тупу-Тупу	64
На чем порешили в мастерской Тупу-Тупу	68
Тот, кто убивает носом	71
С обратным надо покончить	73
Тундра и криволесье	76
Трещина	80
Сердце хуммы	83
Аммуны	85
Обратный путь	87

Тревога	98
Нежданные гости	91
Что случилось в поселке	94
Встреча гостей	98
Облава	101
История ловушки	103
Конец Уллы	105
Пир победителей	107
Послесловие	109
Пояснения к рисункам	112

Редактор В. К. Нечепаев.
Технический редактор Л. Мазенко.

Корректор В. Семенова.

Сдано в набор 15/V-37 г. Подписано к печати 26/VIII-37 г. Формат 72×105. Тираж 15200 экз. Бум. лист. 31/8. Печ. лист. 71/4. Учетно-авт. лист. 7,26. Знак. в бум. листе 77440. Изд. инд. 7/Л-И. Изд. № 157. Уполн. облита № 4582. Заказ № 1579.

Тип. изд-ва „Коммуна“, Воронеж, пр. Революции, 51.

Цена 2 рубля 60 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ: 1) КОГИЗА: ВОРОНЕЖ, ПЛЕХАНОВ-
СКАЯ УЛ. НОВЫЙ БАЗАР 2) ОТДЕЛ КУЛЬТТОВАРОВ
ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛПОТРЕБСОЮЗА. 3-я ПЕЩЕ-СТРЕ-
ЛЕЦКАЯ УЛ., № 18.